

МОНСТРУМ

Дэниел Хорн

Хорн Дэниел

Монструм

«Автор»

2026

Дэниел Х.

Монструм / Х. Дэниел — «Автор», 2026

Веками человечество жило в иллюзии безопасности. Мифы и легенды внушили ему глубокую уверенность: чудовища не более, чем выдумка; владыки убедили: никто кроме них не сможет защитить род людской от собственной жестокости. Одного только не подозревали свой век сейчас живущие – «мирная» бытность оказалась лишь затишьем перед загадочной бурей, которая возродит настоящий Монструм. Но кто встанет на защиту людей? И кого в новом мире нарекут чудовищем?

© Дэниел Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. ГРАУ-ХАЛЛОТ. Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	33
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Хорн Дэниел Монструм

ЧАСТЬ 1. ГРАУ-ХАЛЛОТ. Глава 1

*Среди цепей промёрзших грозных гор,
Где бездну скрыла снега пелена,
Ворвался жуткий вихрь внутрь её нор
И вырвал Нечто из объятий сна.
Оно от всех таилось в чёрной глубине -
Вселенский мор, кой там давно забылся.
Разверзлись стены в стылой той тюрьме,
И к свету мерзкий Узник устремился.*

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лишком килограммов человека, - сказал ничего не подозревавший о грядущем бедствии одинокий путник. Звали его Иллион, и он служил умирающему ордену в твердыне Гиарат.

На протяжении последних пяти лет, Иллион каждые полгода странствовал до Торговой Бухты, чтобы закупить запасы еды, материалов, с десятков голов катаружьего скота и порой другие вещи, необходимые для выживания на Пепельной Пустоши. Это было ничем не примечательное путешествие, но шедший на изъеденных голодом ногах служитель и помыслить не мог, что сегодня привычная жизнь в землях Дэл-Илана перевернётся с ног на голову и наяву свяжется с противостоянием привычного с миром противоестественного.

Но пока что путь Иллиона пролегал на север вдоль западного подножия массива гор Ардегантов – в шутку прозванных им «нижней челюстью дракона» - меж зубов которых непрерывно проходило дыхание сухого ветра, расстилавшееся дальше на запад, вглубь печально-известной пустынной долины. Путник знал её рельефы во всех подробностях, как мужья в тонкостях запоминали тела жён, но этим знанием двадцатитрёхлетний Иллион похвастаться не мог. Он бы с радостью проникся изучением женского тела, но вместо этого вынужден смиренно наблюдать за обезображенным погодой краем. Вот только смотреть здесь было почти не на что, но у Пустоши всё же имелось одно достоинство – интересная история, которую ценил и в каждой торговой вылазке прокручивал в памяти жаждущий знаний Иллион.

Источником корма для ума служителя выступил чудом достоявший до сегодняшних дней первый корпус гирататовской библиотеки. В её старинных стенах Иллиону повезло докопаться до частички прошлого пустынной долины и узнать то, во что вряд ли живущие ныне в пустыне поверили бы.

Больше тысячи лет назад Ардеганты и равнина считались единым краем и величали его тогда – Грау-Халлёт. Это название оказалось настолько старинным, что упоминание его удалось встретить на нескольких чудом доживших до сегодняшних дней картах. Иллиону повезло найти вместе с одной из карт заметки к ней, последняя написана 983 года назад жившим здесь неким картографом Брезаном. В ней автор представил подробнейшее описание местности и переводы названия края на разные языки и диалекты, но больше Иллиона заинтересовала концовка, он перечитывал её так часто, что ненароком выучил наизусть.

«Это последнее, что напишет моя морицинистая рука. Больно это признавать, но я не хочу тратить остаток отведённого драгоценного времени на описание того отвратительного мертвеца, в которого превратился мой дом. Эти краски, та жизнь. Этого больше нет,

а скоро станет ещё хуже. Я в этом уверен. За последние двадцать семь лет климат востока материка Антал изменился до неузнаваемости, и я не понимаю, ЗА ЧТО МАТЬ ПРИРОДА! так жестоко наказывает нас? За что наложила проклятье? Мой дом истлел окончательно, как и его суть. Как теперь называть это место? Как смотреть на свои карты и видеть то, на что с недопониманием будут взирать люди через года? Если вы это читаете, то знайте, раньше всё было не так.

С эваторту (языка давно вымершего, и до нас населявшего материк, народа Эваримов) «Грау-Халлот» означает – Обитель Плодородия. Теперь же это Обитель Бесплодной земли.

Моему телу положено отдыхать, но я не могу себе этого позволить. Здесь нужно бороться за место под суровым солнцем. Никто не стал меня отговаривать, но их взгляды, они оказались краше слов. Я ухожу из долины и прошу прощения у соплеменников. Их сковал долг, но я клятвы не давал. Простите меня! Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!!! Могу лишь надеяться, что потомкам не придётся смотреть на жалкие останки нашей некогда прекрасной долины.»

Концовка заметки не раз побуждала Иллиона к раздумьям о том, какой вид мог бы открыться перед ним тысячу лет назад? Воображение рисовало то, что наделило бы жизнь в пустыне изысканным вкусом: плодовые деревья, свежая и покрытая росой трава, обитавшая в округе живность, капризы погоды, звуки природы, голосащие разговоры, музыка разных настроений. Те вещи, которые Иллион теперь помнил по детству, когда рос в родительском доме на окраине малой родины - Торговой Бухты. Родительский дом давно заняли новые хозяева, а долг служителя Гиарата не позволял Иллиону надолго задерживаться за пределами мертвенной долины, поэтому детские воспоминания тускнели сильнее от года к году, а горестные выросший сирота уже и вовсе позабыл, некоторые с великим трудом. Теперь дом Иллиона - «Обитель Бесплодной земли», заслуженно народом наречённая Пепельной Пустошью, и причина тому далеко не враждебность местной погоды, а вид мертвенной земли, покрытой так раздражавшим служителя песком цвета пепла. Нынешнее же название подходило краю не хуже предыдущего, потому что вид удручающей серой равнины лучше любых наставлений мудрых стариков предупреждал путников – здесь на своих двоих долго не ходят. Но не стоило недооценивать такую вещь как стремление к выживанию, ведь эта часть света, раскинувшаяся в южно-восточной части материка Антал на фоне массива раскалённых солнцем гор, всё ещё оставалась обитаема. Многие жители материка наивно полагали, что в пустыне влачили жалкое и очень короткое существование несколько сотен изгнанных туда преступников или беженцев (на самом деле их осталось не больше шести десятков), которые вскоре «сгорали», а на смену им приходили другие, и так до бесконечности. Когда-то это действительно было правдой, но за тысячелетие в бытие Пепельной Пустоши многое изменилось.

Взять хотя бы то, что ни в чём не повинный Иллион ради выживания себя и близких был вынужден терять молодые годы на то, чтобы пересечь пустыню, а вместе с этим преодолеть жару, голод вкупе с жаждой и нести истерзанное лишениями тело по суровейшему месту на материке, оставляя избитыми песком пепельного цвета и камнем сандалиями частые следы, которые удушливый ветерок без устали заметал пеплом мертвенной земли. Судьба жестоко отнеслась к Иллиону, однако ропот с губ не слетал, это было не в его правилах, но слова тут были бы излишни, ведь о тяжёлом положении служителя убедительно кричал внешний вид. Со стороны он казался жалким бродягой: сухое и грязное лицо со впалыми щеками, которое приятно разбавляли голубые глаза; ноги прикрывали заплатанные тонкие штаны, державшиеся на туго завязанной вместо пояса верёвке, а тело - грязная рубаша с оторванными рукавами; длинные по костлявым плечам чёрные подвыгоревшие волосы торчали из-под второй рубашки, которую опытный путник обернул вокруг головы, дабы уберечься от изнуряющих лучей солнца; через плечо у него висела другая верёвка, связанные концы которой продели через дырки в верхней части старого кожаного мешка, заполненного, как считал служитель, только необходимыми для похода вещами и «грузом горькой ноши». Но не стоило судить сухожилие по мышце

- в силе и целеустремлённости духа Иллиону на Пепельной Пустоши не было равных. Ведь мало кто согласился бы посвятить себя защите обездоленных тариканцев и каждые полгода пересекать пустыню, чтобы купить «возможность на существование», и главное – донести эту возможность обратно.

На самом деле Иллион всерьёз и мимолётной мысли не допускал, что когда-либо навсегда оставит общину и покинет жестокий дом, но нельзя было сказать, что вылазки за пустыню не приносили ему удовольствий. После очередной прокрутки в голове истории Пепельной Пустоши, путник сразу же переводил мысли к водам реки Тафила, отделявшей север долины от южной границы Дун-Эдана, и на северном берегу которой находилась Торговая Бухта. Иллион планировал добраться до реки через три дня, но ему уже нестерпимо хотелось кинуться в прохладную воду и ощутить её необычайно свежий вкус.

Грезив о встрече с Тафилой, Иллион не заметил камня на пути и, запнувшись, чуть не упал, но мысли о купании всё же свалились в бездну разума. Теперь путника вновь заскребла настырная жажда. Иллион стойко оттягивал миг, когда сделает хотя бы глоток воды, потому что старался сберечь каждую каплю из запасов, да и пить взятую воду ему не сильно хотелось. Она уже неприятно пахла, а вчера вызвала в животе судорогу. Служитель терпел жажду, как только мог, оттого всякий раз, когда неприятное чувство сухости в горле нарастало, он пытался отвлечься. В этот раз решил снова пересчитать содержимое сумки-мешка. Окунув руку, Иллион нащупал две стеклянные бутылки с тёплой водой, рядом потрёпанный экземпляр двухстраничного руководства «Ксернат», тряпку, отполированную голову Вермила, а под ними - прохладное сокровище.

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лишком килограммов человека, - в седьмой раз за сегодня повторил Иллион.

Он достал из сумки покрытый патиной кусок бронзы в форме кисти человеческой руки, который сам же отколол от одной из оставшихся в Гиарате статуй служителей-предков, и приложил сплав к щеке. Чувство прохлады заласкало кожу и подстегнуло Иллиона ускорить шаг. Отвлекающий манёвр сработал.

- *Да попей ты уже! Таким макарон я скоро сам пересохну,* - недовольно высказался внутренний голос Иллиона.

Это был Вермил, и он жил в голове Иллиона с детства. На шестом году, задолго до того, как путник стал служителем, он чудом перенёс побои хмельного отца и тогда впервые раздался голос. Веселый, задорный, поддерживающий. Поначалу он был ничем не примечательным звуком в голове, шедшим бок о бок с мыслями Иллиона, но после трагических событий в Торговой Бухте звук усилился и заговорил голосом Иллиона, помогая юному и осиротевшему мальчишке выживать на улицах. Собственный голос обитающий в коридорах разума обрёл после переезда носителя в Гиарат и первыми его словами стали:

«Вермил имя мне».

Иллион до сих пор не до конца понимал, кто с ним говорил. Голос рассудка? Душевная болезнь осиротевшего? Богатое или может воспалённое воображение? Ответа не было, а Вермил никогда не отвечал на него прямо, но для взрослого Иллиона это уже не было столь неважно. Внутренний голос стал его полноценной частью. Щитом, защитившим от губительных мыслей; незримой рукой, поддерживающей все минувшие со смерти родичей годы; доктором, залечившим нанесённые матерью и отцом раны; другом, разбавившим унылое одиночество; братом, разделившим радости и невзгоды.

- Смотрите-ка кто объявился.

- *Я спал, а теперь у меня глотку дерёт, и это ты виноват. Себя не жалеешь, меня хоть пожалей.*

- У меня есть это, - Иллион вытянул руку с куском бронзы и показал её самому себе.

- Да что с тобой говорить? Пока не попьёшь, не смей даже имя моё произносить. А будешь звать и мучить меня жаждой, завою так, что без ушей останешься.

Вермил смолк и оставил Иллиона наедине с мыслями о бронзовой кисти. Воспоминания о жажде упорхнули, но сменились неприятными размышлениями о вынужденной расточительности. В эту вылазку слугитель намеревался продать на три куса бронзы больше обычного, и выручить за них внушительные деньги – около 400 ида́лов. В прошлые купеческие походы Иллион позволял себе продавать не больше четырёх килограммов бронзы, за них платили в среднем 200 идалов, но в этот необычайно жаркий и сложный год без ощутимых трат было никак не обойтись.

Иллион помимо привычного набора необходимых вещей, планировал закупить крайне необходимые мешки с плодородной почвой Дун-Эдана, десять свёртков семян овощей, несколько ящиков свечей, два рулона дешёвой ткани для заплаток, ещё одну кибитку, молодого коня, породы приспособленной к жизни в пустыне (старичок Вирка совсем уже сдавал) и пятьдесят голов катаругов. Самым дорогим из этого было стадо, Иллион намеревался отдать скот на разведение единственному в Тарике пастуху, чьё стадо чуть не вымерло неделю назад, когда восемь до безумия изголодавшихся пустынных дикарей посреди ночи ворвались в загон и начали заживо поедать катаругов. Нежданных гостей удалось перебить, но урон они нанесли серьёзный. Погибло двое мужчин, а из почти двух десятков голов катаругов удалось спасти только пять. На эти вынужденные траты Иллиону с лихвой бы хватило 350 идалов, что уже было много, но остальные деньги он хотел применить для решения другого срочного дела.

Обитавшие за пределами Пепельной Пустоши едва ли смогли бы в такое поверить, но даже пародия на жизнь в жестокой пустыне была переполнена рутинной работы как у тариканцев, так и у тех, кто служил в стенах когда-то величественной твердыни. Невзгод в Гиарате в этот год выдалось много, особенно после происшествия двухнедельной давности - всему виной обрушение второго корпуса библиотеки (четвёртый корпус тоже обрушился, а третий выстоял в пожаре, но хранившиеся внутри знания съел огонь, и случилось это задолго до рождения Иллиона) и крупнейшего скального погреба, где в прохладе хранились запасы воды. Поэтому Иллион в последние две недели оказался чересчур требователен к двум братьям по службе, которые и до этого неохотно исполняли свои обязанности. Моральный дух Густава и Дави падал день ото дня, и куда стремительнее, чем от голода слабели их тела, на чьи костлявые плечи итак давила одна из важнейших для всего Дэл-Илана миссий.

По этим причинам Иллион ещё за неделю до вылазки решил, побратимы заслужили разрядки. На оставшиеся после закупки необходимым деньги Иллион хотел впервые набрать стоящей еды, непохожей на осточертевшую жителям пустоши горькую плоть катаругов и дешёвых овощей. Мясо дичи, кислые зелёные яблоки, хрустящий картофель, даже вино. Восьмую долю этого добра слугитель планировал принести в столовую и обрадовать измученных голодом собратьев, а остальную часть отдать тариканцам в качестве благодарности за верную помощь слугителям Гиарата.

Иллион, не хуже других знавший, каково это - терпеть голод, продолжил бы стойко голодать, ведь слугителю по долгу было положено превозмогать сложные времена, преодолевать любые тяготы и лишения, но всё же случилось то, что заставило старшего слугителя пойти на расточительные уступки. Его выбил из равновесия случайно услышанный неделю назад разговор Густава и Дави. Они раздумывали над гнусным поступком - сбежать из твердыни «на поиски лучшей жизни». Иллиону тогда нестерпимо захотелось взгреть этих двоих, но в нынешнем положении это внесло бы раздор в их маленькое сообщество, ведь он прекрасно понимал – слугители Гиарата, как и тариканцы, в этот необычайно трудный год не существуют, а откровенно балансируют из последних сил на гранях разных обличий смерти. Поэтому Иллион решил «выбить» из младших слугителей мысли о побеге с помощью заботы, а не наказания.

Под хруст стебля колючей варты – единственных и обожаемых катаругами кустарников – Иллион заметил возвышавшийся холм и верхушки окаменевших деревьев. В ветвисто-кольцевом окружении продолжало тухнуть солёное озеро, которое, если верить заметке картографа Брезана, когда-то было чистым и пресным источником минеральной воды. Теперь же оно являло собой хранилищем солёного яда, который, как думал Иллион, и обратил в камень растущие вокруг озера деревья. Впрочем, одним полезным свойством это место всё ещё обладало – оно служило ориентиром, ведь от него до Тафила оставалось меньше трёх дней пешего пути.

Неожиданно Иллиона пробрала подкравшаяся тревога. Сначала он подумал, что так тело замолило о питье, но ощущение нервозности нарастало с пугающей силой, будто рядом заплясал незримый беспокойный дух, предвещающий приближение чего-то величественного и устрашающего. Дабы взять себя в руки, Иллион снова принялся пересчитывать содержимое сумки.

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лиш...

Иллион смолк от удивления, то что он почувствовал кожей и увидел собственными глазами никак не укладывалось в голове. На руку упали две капли воды, в мгновение впитавшие серую пыль и застывшие на предплечье. Касание оказалось столь же бодрящим, как прыжок в прохладные воды Тафила. Иллион с трепетом поднёс к ним вторую руку, но не успел до них дотронуться, как задул холодный, чуть ли не морозный ветер, непохожий на правящего в Пустоши удушливого собрата. В этот день Иллион впервые за долгое время почувствовал, что такое мёрзнуть до дрожи, и это ощущение он воспринял чудесным капризом природы. Ветер резко ослаб и вновь сменился сухим, принеся с собой неожиданный раскат грома, который застал путника врасплох. На Иллиона упало ещё несколько капель, а потом ещё... ещё и ещё. Начался сильный ливень, вызвавший у путника неподдельную радость. Иллион поднял голову и до предела раскрыл рот. Он жадно упивался ни с чем не сравнимым нектаром небес, а после, утолив настырную жажду, взялся прыгать от счастья по округе, вопя во всё горло:

- Это дождь... дождь-дождь. Ливень! Вот капли, и вот капли, это Ливень! – Иллион сунул руку в мешок и достал отполированную бронзовую голову Вермила. - Ты слышишь, Вермил? Ливень!

- И слышу, и вижу, и наконец попил. Спасибо дождю за это!

Иллион хотел было колко ответить, но его внимание переманил раздавшееся над головой звонкое стрекотание. Посмотрев вверх Иллион узрел рождение из ниоткуда пятен тёмно-серых туч. Вид этих громадин заставил путника замереть, лишив наблюдателя права спастись бегством. Происходящее настолько заворожило служителя, что он не осознавал, насколько сильно внутри его разума забурлило предчувствие приближающейся беды. Даже воздух отяжелел настолько, что у путника затруднилось дыхание, и это стало лишь началом тревожных погодных перемен.

В мгновение стемнело так, будто ночь решила накрыть тёмным одеялом небосвод пораньше, а вместе с каплями дождя посыпался мелкий и неприятно быющий по коже град. Иллион прикрыл глаза ладонью, так как не желал отводить взгляда и пропустить хоть маломальскую перемену в небе, и не прогадал. Открывшийся вид не только поражал, он откровенно внушал путнику страх, настолько чёрные тучи казались могущественными и монструозными. Но куда больше этого Иллиона ужаснул их размер, тучи растолстели настолько, что не было видно и клочка чистого неба, и пятна продолжали растягиваться на сотни, если не на тысячи километров, отчего служитель решил, что чернота теперь возвышалась над всем Анталом. Но даже это явление померкло перед следующим, поразившим заворожённого путника, немислимом зрелищем.

В океане чёрных туч заплясали всполохи фиолетового света, похожие на вспышки худых молний. Мерцание, как показалось Иллиону, дёргалось в такт его разогнавшегося сердцеби-

ения. Поначалу огоньки не превышали размера небесных звёзд, но, постепенно удлиняясь, вскоре начали напоминать скользкие на фоне небосвода нити, которые исчезали в густоте туч. Иллион к этому времени уже продрог до костей, но не мог пошевелиться, тело отказывалось подчиняться охваченному чудом рассудку. Внезапно мрачное небо озарилось отвратительным цветом, который путнику никогда не доводилось видеть, и следом раздался оглушительный раскат грома. В голове у Иллиона зазвенело так, что он выронил голову Вермила и, с криками боли, зажал ладонями уши. Звон истязал служителя, будто он пролез под юбку гигантского колокола и вдарил по нему тяжелой кувалдой. Пока Иллион защищал уши, небо затопило сближающимися вспышками, огни жаждали воссоединиться. Раздирающий звон наконец отступил, но Иллион чувствовал, что это лишь затишье перед бурей - небеса готовились выплеснуть в мир буревестную ярость. Ощувив витание этого гнева, Иллион в конце концов услышал голос рассудка и понял, нужно найти укрытие. Присев, служитель подхватил бронзовую говову и уже хотел было побежать подальше от бури, как вдруг услышал кричавший сквозь рёв небес голос Вермила:

- *Стой! Разве не этого ты ждал?*

- Чего «этого»? Конца света?

- *Да как же ты не видишь? Это буря из стихов.*

Слова Вермила крепкими руками схватили разум Иллиона и подвели к пониманию, что назревающий катаклизм - это возможно то, о чём грезил верный сын Гиарата. Предсказанное предками величайшее событие в мире (о котором в руководстве Ксернат сохранились только части главы «Предвестие» в стихах: 6, 7, 8, 14, 15. Остальные стихи безвозвратно утеряны.) происходило прямо сейчас, и к великой удаче Иллиона выпало на его молодые годы и на тяжелейший период жизни гиаратовской общины.

После слов Вермила и полного осознания происходящего Иллион начал чеканить строчки из шестого стиха Предвестия, те, которые написали сотни лет назад, и которые он давно выучил наизусть:

В небе перепутье расползётся,

И свяжет с мирами Дэл-Илан.

Тогда сама погода содрогнётся

И закрутит в тучах ураган.

Иллион беспрестанно повторял четверостишие, терпеливо наблюдая за формированием нечто похожего на сотканные из нитей мириады пурпурных сфер. Две из них надувались над солёным озером. Это было похоже на величественный небесный танец: фиолетовый, пурпурный, лиловый, сиреневый, пляска множества оттенков. Когда сферы окончательно надулись, вспышки пропали, и настало время ярости. Шары втянулись, и этот вид заставил наблюдателя всерьёз испугаться за жизнь. Путник хотел было лечь на землю и прикрыть голову руками, чтобы заполучить хотя бы призрачный шанс на спасение от ярости небосвода, но не успел дёрнуться, как увидел разрывающиеся пасти сфер. Чёрное небо пронзили тысячи пурпурных нитей. Они устремились далеко по сторонам, навстречу другим линиям, потянувшимся от тысяч других, взорвавшихся круглых фигур. Фиолетовая волна чуть не сшибла Иллиона с ног, но к счастью оказалась не смертельна, а даже наоборот - подарившей путнику ощущение, будто он узрел не грандиозный катаклизм, а редкое и прекрасное погодное явление. Пока Иллион наслаждался происходящим, дождь с градом прекратился, но холод отступал медленнее. Благо обжигающий мороз безвозвратно улетучился, как и ощущение первобытного страха, предвосхищавшего масштабное стихийное бедствие.

За время царствования в небесах бури Иллион испытал ворох эмоций: радость, счастье, трепет, страх, ужас, но теперь им завладела эйфория, потому что предсказание из Ксерната продолжило сбываться строчка за строчкой. С расчищающегося неба, изнутри круглых рас-

щелин, которые остались от взрыва сфер, на землю полетели две фигуры. Одна здоровенная, похожая на четвероногого зверя с огромным хвостом, падала стремительнее нежели вторая, гуманоидная фигура, полёт которой будто бы замедляло небольшое фиолетовое облако. Пока Иллион наблюдал за быстрым снижением неизвестных созданий, с его губ уже слетали строчки седьмого стиха Предвестия:

*В пурпуре вихря громовой раскат
в небесах двери перепутья распахнёт.
Чрез ходы эти, как огней каскад,
прибудут те, кто покой наш заберёт.*

- **Хватит глазеть, беги к ним.**

- Завидуешь? – Иллион вернул голову Вермила в сумку. - Может тоже хочешь посмотреть?

- **Я вижу то же, что и ты, у нас...**

- Да, да... «У нас одна голова на двоих». Мог бы и подыграть, зануда.

- **То, что ты носишь «мою голову» в мешке перестало быть смешным лет так шесть назад. А теперь перестань поэзией делиться и беги давай. Ты же не хочешь пропустить приземление летунов?**

- Конечно нет! Погоди только...

Не отводя глаз с падающих тел, Иллион сунул трясущуюся от возбуждения руку в мешок и пересчитал содержимое. Всё на месте.

- Ну что, навстречу переменам?

- **Ты беги, я догоню.**

Усмехнувшись над шуткой, Иллион побежал к холму, за которым скрывалось место возможного приземления небесных гостей - солёному озеру.

До вершины холма Иллион, к своему удивлению, добрался быстро. Принесённый бурей свежий воздух не вызвал одышки, и это оказалась не единственная приятная перемена, ведь нос путника всё ещё не атаковал сернистый запах. Раньше вонь начинала раздражать нос, а затем рот с горлом сразу на подъёме, а теперь еле уловимый серный душок доносился только на верхушке возвышения.

Иллион начал осторожно сбегать с холма, потому что у подножия начиналась чаща каменных деревьев, где каждая ветка представляла смертельную угрозу. Однажды служитель не рассчитал скорость и чуть не налетел на природное копьё, целившееся незваному гостю в грудь, но путник оказался вволю ловок, чтобы размянутья со смертью.

Вбежав в плотное кольцо пока небольших каменных стелл, Иллион посмотрел наверх и увидел летящих навстречу гибели существ, а падали они удивительно долго. Тем не менее Иллион понял, что здоровенная зверина вот-вот приземлится вглубь чащи, а гуманоид летел дальше, возможно в солёное озеро, воды которого могли за считанные минуты высосать жизненные соки из небесного гостя.

Иллион заключил, бежать нужно левее, тогда он попадёт к месту падения животноподобного существа. Войдя в ряды каменных деревьев потолще, служитель уверенно продвигался вперёд, уворачиваясь от острых веток, становившихся толще и выше деревьев. Каменные монстры, которые будто бы только притворяются деревьями, поистине сторожили солёное озеро. Никто из тариканцев не смел входить в каменную чашу, но Иллион знал, в самом кольце деревьев нет ничего страшного, если не считать жары, исходившей от плотно расставленного горячего камня и сернистого запаха. Опасность здесь таилась только в неосторожности движений - неудачный поворот и ты труп или инвалид. Это удачный пример тонкости жизни на Пепельной Пустоши - здесь ничто неодушевлённое не пыталось никого убить, погибшие в этом краю не от рук пустынных дикарей умирали только из-за глупости, неосторожности или самоуве-

ренности. Вот только с небесными гостями дело обстояло по-иному, два загадочных существа летели на пики каменных деревьев, кому-то из них могла улыбнуться удача, и тогда незнакомец отделается переломами или ампутацией изувеченных конечностей, но Иллион ясно понимал насколько это было маловероятно. Но если вдруг, благодаря высшему промыслу, кто-то пережил бы падение, слугитель был готов оказать помощь, а в полевой медицине он кое-что да понимал. Любовь к чтению и собственный опыт позволили сыну Гиарата поднабраться знаний по врачеванию, причём не только людей. Но главное, почему Иллион был готов пойти на всё, чтобы спасти сразу двух пришельцев, заключалось в наставлении из второй строчки незаконченного восьмого стиха Предвестия.

*Не будь слеп в наивности:
Не все существа - чудовища,
Не все двуногие - человечны,
Не всё нев...*

Иллион вдруг услышал нарастающий над головой звук, похожий на треск костра. Не успел поднять головы, как в метрах десяти от него прогремел удар, принёсший за собой жуткий диковинный вопль и чавкающие звуки. Тогда на землю упали три крупных части туши существа, окропив окружавшие деревья кровью и ошмётками внутренностей. Служителя обуял шок, настолько безжалостно неизвестное создание было разорвано каменными ветками на куски. Полумрак, обитавший здесь из-за разросшихся плотных скопищ веток, не позволил Иллиону рассмотреть, что свалилась за зверина, но она оказалась больше коня раза так в два. Мужчине нестерпимо хотелось рассмотреть погибшего поближе, но увидев, что стало со зверем, решил не тратить время на умершего и устремился к озеру.

Слугитель надеялся, что гуманоид влетит в солёную воду, так были хоть какие-то шансы на спасение. Переломов и солевых ожогов, как думал Иллион, небесному гостю было не избежать, но лучше уж это, чем быть разорванным непоколебимым многовековым камнем. Чаша скоро должна была смениться берегом, но тут Иллион остановился и разразился дерущим кашлем - прибыл ядовитый запах сернистой соли.

В секунды борьбы за дыхание путник услышал громкий всплеск воды. Прокашлявшись, Иллион, медленнее прежнего, побежал вперёд и наконец выбрался к берегу. Ему, да и пришельцу, несказанно повезло, летящий упал в воду рядом с берегом, водяные кольца и витавшая в воздухе фиолетовая дымка послужили ориентиром. Но хорошей новости сразу же воспротивилась другая. Здесь воздух был пропитан удушливой вонью, поэтому надо было поторапливаться, пока солёная вода окончательно не вытянула из тела гуманоида нужные для выживания силы, а воздух не придушил сразу двух неожиданных гостей.

Иллиону удалось уловить удачу за хвост. Озеро большое, упав гуманоид ближе к противоположному берегу спасателю пришлось бы долго огибать берег и тогда вытаскивать из воды пришлось бы солонину. Другим же везеньем оказался свет, монструозные тучи окончательно рассосались, а озеро освещало на удивление не жаркое солнце.

Слугитель на бегу скинул с себя мешок, а затем рубаху с головы и стянул через неё вторую. Иллион ещё не прикоснулся к воде, но уже чувствовал, будто во рту оказался комок соли. Невзирая на предстоящее жжение слугитель с разбега прыгнул в остатки фиолетовой дымки, ощутил солевое жжение, обхватил качающегося на поверхности воды небесного гостя и загрёб к берегу. Вскоре спасатель встал на острое минеральное дно и, подхватив бессознательную жертву падения, вытащил её из воды и понёс подальше, где солёный грунт переходил в пепельную землю. Иллион уже знал, что в руках у него оказался не просто голый человек, а мальчишка, от десяти до двенадцати лет на вид.

Положив ребёнка на землю, Иллион первым делом протёр собственные глаза и откашлялся, а затем проверил дыхание и пульс мальчишки. Он был жив. На вид у ребёнка не было

ярко-выраженной деформации конечностей, грудная клетка вздымалась равномерно, без звуков хрипотцы в дыхании. Это показалось Иллиону невообразимым везением; мало того, что небесный гость выглядел целёхоньким, так он ещё упал в воду спиной, а когда соль вытолкнула ребёнка на поверхность, то пришелец не успел наглотаться солёной воды. Спасатель догадывался, почему так произошло, мальчишку спасло непонятное фиолетовое облако, которое приняло на себя основной удар о плотную гладь воды. Но почему такое же облако не подхватило погибшего зверя, служитель не понимал, да и размышлять над этим у него не было времени, ведь расслабляться было ещё рано, это Иллион знал наверняка.

Спасатель метнулся за пожитками и первым делом достал из сумки бутылку, откупорил и осторожно залил немного воды ребёнку в рот. Иллион просунул туда же палец и стёр солёную корку. Ещё раз залил в рот воды, чуть приподнял мальчика вбок и стукнул ему между лопаток. Ребёнок закашлялся, изо рта вытекла вода с белыми минералами соли. Путника это обрадовало, он всё сделал как надо и заполучил лучший исход событий.

Служитель достал из мешка тряпку, которой натирал голову Вермила, обильно смочил водой и протёр ею тело небесного гостя. Затем одел мальчика в свою рубаху безрукавку, пришлось конечно повозиться, потому как малец хоть и был стройно сложен, но оказался тяжёлым, голода его тело точно не знавало. Другое отличие от обитателей Пустоши заключалось в коже, небесный человечек был бледен, и если на такой коже не останется следов от соленых ожогов, то глущее солнце Пустоши определённо выжжет на ней клеймо.

Смочив тряпку, Иллион протёр от солёного налёта свои тело и лицо, а затем выжал кусок ткани и вернул обратно в мешок, после чего надел головную рубаху с целыми рукавами. Служитель нехотя выпил воды, потому что представлял насколько трудным предстоит путь, после закупорил бутылку и вернул в мешок, не забыв ещё раз пересчитать её содержимое. Всё на месте. Служитель сразу же перекинул верёвку мешка через плечо, взял ребёнка за руки, приподнял, выставил ногу в упор коленям мальчика и ловким движением оторвал его от земли и закинул себе на плечо.

- Думаешь о том же, о чём и я? А, Вермил?

- *Откуда он взялся?*

- Это конечно, да... но я не про это.

- *Значит зверь.*

- Значит зверь.

Тяжело вздохнув Иллион решил отложить торговую вылазку, ведь грянули серьёзные перемены. Служитель вознамерился вернуться в Тарик, а оттуда в Гиарат, потому что только в стенах твердыни Иллион смог бы спокойно выходить небесного гостя и узнать, откуда он «свалился», а главное - зачем?

Глава 2

В разгар знойного дня сухошавая лошадь в упряжке покала по серой земле и устало тащила тяжёлую кибитку в сторону Турреса - южнейшей деревни земель Дун-Эдана. Широкоплечий гигант, каким казался кучер даже несмотря на исхудалость, гневно вглядывался сверху вниз в измученного голодом спутника. Разгоряченный спор братьев по службе, но никак не по взглядам на жизнь, был громким, полным недовольства и раздражения. Напряжение в словесной рубке нарастало, пока повозка не угодила в выбоину. Груз из железной мелочи и наваленных сверху старых книг звонко перемешался, и часть нахлынула на борт, наклонив кибитку в сторону. Кучеру пришлось поумерить разговорный пыл и потянуть вожжи к левому плечу, чтобы выровнять ход лошади, а затем скомандовать лёгким натяжением вправо, не дав повозке накрениться и потерять колесо.

- Вот жопа катаружья. Ух... чуть не убились. Я из-за тебя зад ушиб, - раздраженно выкрикнул кучер. Натянув вожжи, он застопорил старичка Вирку, чтобы дать коню отдохнуть и успокоиться после неожиданного для всех испуга.

- Ты свой зад мне не приписывай и зубы не заговаривай, Гус. Ещё раз повторяю, Мекхен всё расскажет Иллу. На кой ляд мы вообще заехали в Тарик? Ты же мяса и сам приготовить мог, я видел, у тебя ещё целый кусок есть.

- Мясо видел, говоришь? Ну да, это так, повод подвернулся. Понимаешь Дави, мне очень хотелось попроситься с этими несчастными. Пусть и дальше гниют в этом своём Тарике, а Мекхен... да хрен с этим пастушком, пусть рассказывает. Когда этот двухголовый вернётся мы будем уже далеко.

- Мы поступаем неправильно. Ладно, ты Мека ради лишнего куска вырезки обманул, но зачем же так поступать с Иллионом? Получается... мы теперь воры?

- Никакие мы не воры, - раздражённо рявкнул Густав. Мы взяли только своё, понимаешь? Сво-ё! Только то, что наше по праву, а нам положена награда за все годы этой... «службы». Напоминаю тебе, брат мой, я прожил в Гиарате девятнадцать лет и за это это время не жрал ничего кроме помоев и не видел ничего акромья бессмысленной работы и в хрен мне не упёршейся учёбы. Я заслужил всё, что положил в кибитку, потому что если бы не я, то всего этого уже давно бы не было. Какой же я вор, если беру то, что сохранилось благодаря мне и моим впустую растраченным годам? Разве ты так не думаешь? Дави, ты конечно славный малый, хоть и ростом не вышел, но у тебя точно в последнее время с башкой не в порядке. Ты же сам всегда соглашался, или ты уже забыл почему решился уйти вместе со мной, а?

- Я согласился «просто уйти», ты не говорил, что повозку мы с собой заберём, - виновато ответил Дави.

- Ну так, ты уже четыре дня как в курсе, но всё равно сидишь рядом и продолжаешь грызть мою печёнку. Что-ж ты об этом не заговорил, когда мы из Гиарата выезжали? Думал мы повозку тариканцам оставим? Да ещё гружёную? А в Тарике? Что-ж ты молчал, когда мы оттуда на повозке уезжали? Уже третий день едем по Пустоши, а тебя типа совесть проела только сегодня? Глаза не отводи, брат мой. Всё ты прекрасно понимал, но дурачком прикидывался. Хотел чистиньким остаться? Совесть сохранить? Не, ну если ты такой дохера честный, то может пойдешь один? Я тогда сам всё продам и оставлю деньги себе, а ты будешь как бы ни при чём, и никто не сможет тебя обвинить в воровстве. Согласен? – ехидно спросил Гус.

- Молчишь? Я так и думал. Знаешь, Дави, не надо из меня делать идиота и свою мораль мне подсовывать, мне на неё насрать.

- Есть ли хоть что-нибудь, на что тебе не всё равно?

- Конечно! На себя мне не насрать, – гордо ответил Гус. – Ну и немножко на деньги. У меня своих денег хоть и отродясь не было, но скоро, - кучер звучно постучал пальцами по

борту кибитки, - очень скоро они у меня будут... Точнее у нас, бра-тец, - иронично закончил Густав. - Давай уже кляча, быстрее!

- Оставь Вирку в покое, он итак уже еле копытами двигает. Тебе даже его не жалко?

- С чего бы это? Это же просто старая лошадь.

- Эта старая лошадь сделала для нас больше, чем многие люди.

- Лошадям по природе положено делать для нас многое, и что? Давай теперь ботинкам кланяться начнём, они тоже делают для нас больше, чем многие люди.

- Ты разве не видел, Илл ему могильный камень выточил? Он нам Вирку не простит.

- Слушай, жалостливый ты мой, давай так, ты затыкаешься до самого Турреса, а я тебе обещаю, что как только приедем, так сразу продам его какому-нибудь селянину. Договорились?

- Кому нужен конь, который вот-вот умрёт от старости?

- Это уже моя забота. Ну так что, договорились?

- Делай что хочешь, но если с Виркой что случится, то это будет на твоей совести.

- Э-э-э нет... бра-тец. Раз ты сам заговорил о краже и всё равно остался, то знай, Вирка, «если что случится», будет на нашей совести, понял? На на-шей.

Повисло затяжное молчание, заставившее Густава вновь занервничать. Впервые беспокойство кучер ощутил четыре дня назад, когда проводил Иллиона в торговую вылазку и сразу после принялся грузить кибитку. Пока Дави собирал пожитки Густав в спешке перенёс ценный груз и наспех накрыл его всем, что попадалось под руку. Он не хотел идти на риск, так как знал - если компаньон по бегству узнает, что спрятано на дне кибитки, то ему это не понравится. Оттого нервозность заставляла Густава приглядывать за спутником и настороженность оказалась оправданной. Дави ни с того ни с сего принялся притворно оглядываться, якобы что-то высматривая в пустынной округе. Кучер подумал, что так спутник пытался невзначай разглядеть всю паклажу. Густав предполагал, что узнай побратим правду, он не рискнёт пойти напролом, а будет лишь занудствовать из-за кражи, вот только нутро сухощавого гиганта не давало покоя. Оно не знало, на что был способен тот зачаток патриота, который теплился в теле этого девятнадцатилетнего сопляка.

Дабы не испытывать удачу и сохранить воровскую тайну Густав решил любым способом отвлекать соседа, по крайней мере до прибытия в Туррес.

- Дави?

Сосед, как показалось Густаву, напрягся, затем сел прямо, устремив взгляд на дорогу.

- Что?

Густаву такое поведение не нравилось. Дави неестественно отозвался, даже не повернул к нему головы, а в его движениях прослеживалась скованность, свойственная людям, не умеющим отыгрывать ложь. Что-то беспокоило Дави, а это уже нервировало Густава. Кучер заподозрил, что младший товарищ решил во чтобы-то ни стало вернуть груз в Гиарат, но этого нельзя было допустить, ибо сокровище на дне повозки – это единственный ключ в безбедное и достойное будущее, за которое стоило даже убить. С каждым оборотом колёс кибитки параноя Густава набирала силу и подводила к циничной мысли: если побратим осмелится на предательство, то он лишит Дави жизни.

- Ты есть хочешь? У меня ещё пол вырезки осталось, - спокойно спросил Густав, стараясь подмечать другие странности в поведении попутчика.

- А? Нет-нет, я до вечера потерплю, спасибо!

Широкоплечий заметил, что Дави похоже расслабился, но не было ли это «отвлекающим манёвром»?

- Тогда я поем. Твою... - не закончив фразу, здоровяк звучно шлёпнул себя по шее. – А я всё думал, когда же вы объявитесь? Долбанные кровососы. Пора доставать мазь.

- Ну нет, - недовольноотреагировал Дави. - Мазь же от ожогов, сейчас-то она зачем? Я и так еле терплю мясную вонь, так ты ещё хочешь, чтобы меня точно вывернуло?

«Отлично», - мысленно провозгласил Гус. Ему, пусть и ненароком, удалось отвлечь Дави от попыток разгадать тайну одинокой повозки.

- Пф... а ты думаешь почему она так смердит? Потому что сделана по моему уникальному рецепту.

- Ты же говорил по рецепту матушки.

- Да, но я улучшил состав. Теперь это непростая мазь, да при желании этим сокровищем можно заменить известь. Могу хатку здесь сварганить, хочешь?

- Обойдусь, в выгребной яме я уже пожил.

- А, да... помню-помню. Что ты там разбил?

- Ты там вроде есть хотел?

- Да, хотел, погоди. Вот жопа катаружья... мази немного осталось, оставлю её лучше до вечера. Тебе повезло бра-тец. Ну раз так, значит настала пора трапезничать, - с растянувшейся улыбкой сказал кучер.

Гус, не сводя взгляда с дороги, просунул руку за седушку. Нашупав мокрый от жира сверток, он краем глаза уловил, как Дави потянулся к вожжам. Густав тут же отдернул руку и гневно уставился на спутника.

- Ты чего это удумал? – Кучер напрягся, приготовившись придушить побратима на месте.

- В смысле «удумал»? Я веду, ты ешь. Что не так? – удивлённо спросил Дави.

«В самом деле, что не так? Мы всегда так делали,» - подумал Густав, но даже эта мысль не вернула и крохотной частички доверия к Дави.

- В этот раз сам поведу, мне не трудно, – ответил Густав, стараясь расслабиться.

- Как скажешь.

Кучер достал пропитанный жиром свёрток и положил на колени. Подготовку к трапезе нарушил нестерпимый зуд, и Густав смачно шлёпнул себя по шее.

- Да как же вы меня достали, выродки сосущие. – Гигант остервенело зачесался и воинственно продолжил. – Я вами скоро суп приправлять буду.

- Что-то их тут много, - подметил Дави, которого, к удивлению Гуса, укусы не беспокоили.

- Значит первая лесополоса близко. Смотри туда, прямо за холмом мы пересечём границу и скоро увидим первые деревья. Вот оттуда эти твари и прут.

- Ты прям знаток комаров, холмов и лесополос.

- Ты рот-то прикрой, а то комар залетит. И да, в отличии от некоторых я здесь бывал, а ты бы лучше приготовился, а не то шею свернёшь от удивления. Эх, Дави-Дави, ты даже не представляешь в каких красивых местах живут люди, так что, внимай моим рассказам повнимательней, а не то забредёшь куда-нибудь разглядеть чего покрасивше и поминай как звали, а искать тебя я не буду. Ты-ж не забывай, мне не насрать только на себя, бра-тец, - иронично закончил Густав, разворачивая свёрток с вырезкой.

Резкий прогорклый запах, который сдерживал свёрток, мигом охватил воздух и грубо залетел в носы двух путешественников. Густав украдкой глянул на скривившееся от вони лицо Дави и усмехнулся, открывшийся вид доставил кучеру непередаваемое удовольствие.

- Каждый раз поражаюсь, как ты можешь хотеть это есть? Столько лет пихаю в себя катагурятину и то привыкнуть не могу.

- Как и всегда, дружище, с удовольствием. «Как и всегда,» - раздосадовано повторил кучер уже в мыслях.

Густав обмотал вожжами руку и начал есть. Он взял мозолистыми пальцами кусок жареной катагурятины и отправил в рот. В этот раз мясо оказалось сильно горьким, но даже отвратительный маленький кусочек на раз-два сметал чувство голода с пути. За перекусами Гус частенько вспоминал о родной тариканской хибарке, в которой сейчас жили другие тариканцы, и о матушке, давным-давно баловавшей единственного сына жареной или тушёной катагурятиной приправленной местными или привезенными из Турреса специями и травами. Кориандр,

паприка, куркума, флета, тимьян, перец, тмин, розмарин и долгое множество других пряностей. Густав до сих пор смаковал в памяти их вкус, по крайней мере тех, которые пробовал чаще других. Для него приправы были не «заменителями горечи», а восхитительными деликатесными мелочами, с которыми жир и мясо катаругов становились порой не просто сносными, а вкусными. Но все эти аппетитные воспоминания, как и некоторые другие события из детства, ныне казались кучеру иллюзиями. В них продолжал верить лишь живущий где-то глубоко внутри Густава счастливый мальчишка, каким он навсегда остался на окраине любопытного полотна прошлого.

Густав родился в Пепельной Пустоши, как и Дави, однако в отличие от последнего кучер считал это событие отвратительным родимым пятном. Но насколько бы сильно коренной житель не ненавидел родной дом, пустыня была, есть и будет его малой родиной, где он прожил с матерью первые одиннадцать поистине счастливых лет жизни. Как бы Густав не открещивался от корней, он вместе с Дави был частью главенствующего в Пустоши народа тариканцев. Сегодня он представлял из себя людскую общину, чьи предки – отчасти в правду бывшие ссыльными преступниками или предателями – четыре века назад основали крохотное поселение Тарик в полукилометре от западного подножия Ардегантов, куда изредка заглядывали только необыкновенно рьяные искатели приключений, художники или путешественники.

На пути к Тарику их не поджидали хищники или ядовитые растения, только двоих гостей Пустоши настигли каннибалы (служители-предки нашли путевые заметки съеденных в людоедских пещерах и поместили в первый корпус гиаратовской библиотеки), здесь исследователям мертвенной земли приходилось испытать на прочность самих себя. Жара давила на людей столь сильно, что постоянная усталость была здесь привычным самочувствием. Слабых здоровьем суровость края забирала в первые пару дней с помощью теплового удара и обезвоживания. Большую часть странников – другими методами. Тяжелее всего приходилось бледнокожим. Горстка загорелых тариканцев, к невезенью заполучивших шрамы от лучей жестокого светила, и думать не хотели, какие жгучие мучения переживали вышедшие из запустынь светлости. В нередкий из нестерпимо жарких дней Густав сам получил ожог предплечий и с неделю чувствовал вонь палёных волос, оттого не сомневался, что гулявшая по Тарику байка о бледном художнике была чистейшей правдой. Старики рассказывали, что много лет назад до хижин чудом добрался бледный, как ледник, человек в белых одеяниях, он хотел увековечить на полотне ардеганские горы. «Станный был мужик, самоуверенный. Это его и сгубило», говорил один из дедов Тарика. Этот художник от радости, что сумел добраться до гор, напился взятым с собой самогоном и под рассвет отправился голым в пустыню искать подходящий для пейзажа вид. Два дня художника никто не видел и только на третьи сутки группа тариканцев обнаружила его тело в часе ходьбы от поселения. Печальным оказалось то, что не все тогда устояли перед запахом поджаренной солнцем человечины. Лишь те, кто оказался готов духом преодолевать испытания, снаряжался к этому основательно и внимал предупреждениям опытных путешественников, благополучно добирался до Тарика.

К разочарованию странников, в бедной деревушке поживиться можно было лишь видом прискорбного существования, жалобами местного люда на тяжёлую жизнь и поведанными историями – единственным духовным богатством тариканцев. Коренные жители пустыни не подозревали насколько их предания обогатили фольклор Антала и отдалённых от материка земель. Некоторые рассказы путники охотно уносили из Тарика на большую землю, и нередко вместе с нестерпимым чувством голода и волдырями на обожжённой коже. Среди тариканского вымысла всех без исключения путешественников увлекало сказание о сгинувших в горах нелюдах, «издревле населявших эту когда-то пышущую жизнью плодородную равнину». История гласила, что с началом Второй Межматериковой войны (мир между материками заключили пятьсот семьдесят лет назад), когда кровь проливали даже за куски бесполезной каменной земли, обитавшие здесь нелюди решили покинуть утопленный в крови край материка и

перебраться вглубь Ардегантов, наслав в проклятье захватчикам вечную засуху. Порча заставила солнце направить жгучее око на горы и равнину, и до сих пор оно ни разу не отводило взгляда. В первые сутки истлели деревья и трава, на вторую неделю пересохли источники воды (кроме одного), а через год – земля потрескалась, покрылась тонким слоем пепельного песка и окончательно умерла. Так, со слов тариканцев, появилась «никому, кроме нас не нужная Пепельная Пустошь».

Но не все уходившие из Тарика, а только выбиравшиеся из пустыни, путешественники – таких везунчиков за всю историю Пустоши набралось десять – смогли перекроить сказание на свой лад и разнести по родным землям. На севере Антала оно прижилось как страшная детская сказка; на юге обратилось в легенду о живущих в восточных горах могущественных существах. В одних местах обитателей гор знавали, как Чёрных Всадников, забиравших у непослушных детей родителей, а в других, как Горных Бестий, насылавших на материк болезни и неурожай. На северо-западных заснеженных островах вовсе уверовали, что в древности мира Пепельную Пустошь населяли пустынные Гули, которые после десятков нестерпимо жарких веков переместились в горы, где и вымерли среди острых клыков природы. Эти сказки прочно вгрызлись в память и культуру народов и по сей день гуляют они по тысячам домов – от родителей к детям; от бабушек и дедушек к внукам; от сказителей, поэтов и певцов, к слушателям и читателям; но одного не подозревали свой век сейчас живущие – в эти вымыслы затесалась частичка правды. Связана она оказалась с теми, кто не были ни гулями, ни бестиями, а обычными людьми с непростыми судьбами. Со служителями ордена Гиарата.

Густав ещё в детстве вдоволь наслушался сказок о вымерших нелюдях, они ему никогда не нравились, но вот рассказы о прошлом Тарика вызывали в нём интерес. На самом деле мало кто из коренных тариканцев до конца понимал в каком месте жил, среди историй стариков Густав находил много расхождений, поэтому каждый тариканец был волен сам решать, что из слов о Тарике было правдой, а что вымыслом.

Бывший сын Гиарата имел собственное понимание в причинах возведения Тарика, и оно появились благодаря манускриптам из гиаратовской библиотеки от живших в разное время авторов. Густав предполагал, что некоторые из них провели немало времени в поселении, либо часто в нём бывали, а кто-то из них вовсе мог оказаться служителем-предком.

Сопоставив хронологию описанных в манускриптах событий, Густав узнал самую приближённую к правде историю Тарика. Что-то из этого члены пустынного народа узнавали из поколения в поколения, вот только историческую картину в целом никто из них не представлял. Если бы хоть кто-то из тариканцев попросил Густава рассказать о прошлом их дома, то услышал бы познавательный и немного приукрашенный рассказ.

574 года назад, когда Пепельная Пустошь, как и сегодня, была суровейшим местом Антала, государи материка во время Второй Межматериковой войны на одном из советов порешили спроваживать отъявленных преступников и беспринципных предателей в пустыню, чтобы там они погибали от жары, жажды и голода. Правители тратили на это много ресурсов, крупную долю на поддержание непрерывных караулов, убивавших всех, кто решался вырваться из плена Пустоши. Гонения быстро принесли плоды – изгнанники «сгорали» в первые недели борьбы за жизнь под раскалёнными лучами солнца, но со временем такая политика сняла маски с истинных лиц влиятельных господ. Через четыре года войны вместе с человеческой нечистью в ссылку начали попадать достойные люди. У неугодных богачей забрали власть и деньги, излишне говорливых любимцев толпы подставили или очернили, а слабых духом несогласных с политикой государей простолюдин выгоняли на погибель ради пресловутой забавы.

Много невинных тогда съела мертвенная земля, но люди не сдавались. Густав не смог доподлинно узнать, чем в первые годы питались изгнанники, вероятно вываренной в моче вартой, тараканами или вшами, потому что большего на Пепельной Пустоши было не найти, если

конечно не считать... человечины. С водой дела обстояли не лучше. По сей день единственным источником пресной воды в пустыне оставалась гора Ганимер – высочайший хребет Ардегантов, чьё остриё уходило далеко за редкие облака, туда где солнце уступало в силе морозу. В манускрипте, который показался Густаву сильно старым, он обнаружил такую строчку:

«Поросиий на острие горы ледник днём таял под гнѣтом небесного светила, ночью высотная стужа укрывала его слоями снега и обращала их в лёд. Таково равновесие природы.»

Густав не имел понятия насколько эти слова приближены к правде, но в пользу ледника, который по сей день виднелся на вершине Ганимера, не сомневался. Если бы не лёд, то никто не смог бы и месяца протянуть на мертвенной земле.

С горы брал начало исток Ардении, по крайней мере такое название Густав видел на картах Брезана. Согласно им тысячу лет назад река тянулась от Ганимера и пересекала Пепельную Пустошь от востока до севера, где впадала в Тафилу. Теперь же памятником ей служило пересохшее и присыпанное пепельным песком русло. Всё, что осталось от вод Ардении – это неиспарившиеся и стекавшие в западные скальные карманы худые с волосок ручейки. Такие источники встречались только на двух километрах западного основания горы. Воды в них набиралось мало, жалкие лужи неустанно испарял горячий камень. Оттого никто из авторов манускриптов не удивился, почему у западного основания Ганимера часто обнаруживали останки десятков разорванных на куски бедолаг.

Жестокий край не щадил никого, но не забрал сильнейших. Приспособившиеся начали объединяться в миролюбивые или канибальские коммуны. Одну из нелюдоедских возглавил «предатель», посмеявшийся не исполнить «неоправданно жестокий приказ генерала» - ветеран Второй Межматериковой по имени Тарикан. Ему удалось сплотить несколько коммун в общину, но важнее оказалось то, что опытный полководец заручился поддержкой горных обитателей, верных детей Гиарата, которые и сами были не в восторге от сновавших по округе безумных дикарей-каннибалов. Служители заключили союз с коммуной Тарикана и вместе разбили костяки одичалых собраний Пепельной Пустоши.

С годами обитатели загорья помогли отстроить общине поселение из восьми хижин, кое прозвали Тарик. Новый дом возвели в половине дня пути от источников арденийской воды и нескольких часах ходьбы к жутким пещерам другой горы, за которой жили дети ордена Гиарата. Решение о месте постройки на открытой местности приняли из-за соображений защиты. Тарикан знал, что если расставить хижины близко к подножиям гор, то каннибалы могли подступиться к ним незаметно под покровом ночи и под прикрытием валунов, а открытый обзор позволял заметить противника издалека. Подспорьем в обороне стали служители, которые часто обитали у входа в пещеры и могли быстро прийти на выручку тариканцам, как случилось в помощи с водой и едой. Горные жители делились запасами, со стороны их дома северо-восточные рукава Ганимера тоже располагали водой, хоть и оставались труднодоступными. Из еды у служителей оказались овощи, их выращивали из семян прошлогодних урожаев.

Рождение Тарика, как высчитал Густав, случилось 569 лет назад. Новых жителей принимали осторожно, опасность каннибализма никуда не исчезла. Случаи людоедства в Тарике были не в диковинку, но благодаря строгим правилам негласный староста общины вышиб дух каннибализма из хилых стен поселения.

Через 3 года к 20 хижинам пристроили кладбище, в центре которого лежал вытянутый валун. Если авторы манускриптов не ошибались, то под ним упокоился доблестный воин и защитник угнетѣнных - Тарикан. Потомки до сих пор с почтением относились к валуну, когда жители деревушки навещали мѣртвых, то всегда прикасались к камню в знак благодарности основателю общины. На похоронах Тарикана служители в знак соболезнования преподнесли тариканцам два дара. Первым стала бронзовая свинья в полную величину. Она служила данью уважения основателю поселения, потому что в его родных краях это животное считали символом изобилия, процветания и счастья. Другим даром оказался массивный дубовый рог, симво-

лизировавший источник голоса защитника угнетённых, которым тариканцы пользовались для призыва помощи. Как показала история, голосом Тарикана народ Пустоши поначалу пользовался часто, пока ряды коммун-каннибалов не начали рядеть.

После смерти негласного старосты поселения тариканцы не утратили дружбы со служителями Гиарата. Первые часто помогали вторым в вылазках за водой к западным скальным карманам и к границе Пустоши, для выкупа у подкупленных караульных еды и материалов. Чаще походы заканчивались благополучно, реже не возвращался никто. Охранники пустынного предела нередко сменялись навсегда и каждый мог попросить в разы больше предыдущего или обмануть, дабы ограбить и умертвить служителей с изгнанниками на месте. Жителям Пустоши приходилось уживаться с опасностью, но если подкуп удавался, то служители никогда не отказывали тариканцам в делёжке привезённых припасов.

Чтобы снизить смертность от походов сыны Гиарата обучили тариканцев выращивать урожай овощей из семян. На обустройство теплиц ушло много времени, потому что достать плодородную почву с земель Дун-Эдана, да теперь в больших количествах оказалось делом сложным и дорогим. Густав до сих пор не верил, что тогда у служителей имелось золото, не идалы или бронза, а самое настоящее золото, которым предки расплачивались несколько веков к ряду. Драгоценный металл перестал упоминаться в манускриптах, написанных за 120 лет до сегодняшних дней.

Помимо еды, служители достали из запустыня повозки, набитые пустыми бочками, а также пустынных коней. С их помощью удалось организовать бесперерывные большие поставки свежей воды от Ганимера. Раньше их приходилось набирать вёдрами и нести пешком до Тарика. Тогда жители Пустоши обрели постоянное питьё и воду для других нужд, поливая или мытья тела.

Жизнь начинала пробиваться через прочный щит нечеловеческих условий, прочнее сплотив Тариканцев с сынами горной твердыни. Единственное, что в этом союзе скрывалось одной стороной от другой - это путь к Гиарату. Тариканцы и нынче не ведали где обитали служители, как выглядел их дом, и что они там делали.

Густав понимал, что тариканцам ничего бы не дало знание о Гиарате, но если бы они захотели увидеть твердыню собственными глазами, то поиск оказался бы делом невыполнимым. Чтобы выйти к Гиарату, требовалось в течение почти целого дня, и это при том, что путник знал дорогу, пробираться через: жуткий гул удушливого ветра, густую темноту и петляющие лабиринты построенных эваримами горных штолен, вырезанных мастерами своего дела. В тех пещерах за столетия сгинуло множество людей, в том числе и тариканцев, которым не терпелось узнать тайну горных жителей. Густав мог бы насчитать с десятков смертельных поворотов лабиринта, потому что, когда он хотел побыть наедине со звучащими в голове мыслями, то принимался гулять по лабиринту. В этих тёмных странствиях ему не раз доводилось находить древние, и в паре случаев свежие останки жертв лабиринта и любопытства.

Несмотря на тайну и связанные с ней потери, союз тариканцев и служителей креп и перерос в искреннюю дружбу. Был даже случай, когда служитель взял в жёны тариканку и навсегда увёл избранницу в Гиарат, что из этого вышло, Густаву узнать не удалось. С тех пор в Тарике начали постоянно нести сторожевой пост один или два служителя, Иллион рассказывал, что по упоминаниям имён и описаний из манускриптов он насчитал около семидесяти живших тогда предков-служителей. Но с веками их численность снижалась, и дозоры прекратились примерно 150 лет назад, когда сынов Гиарата осталось около двенадцати человек. Однако нужда в дозорах иссякла не из-за нехватки людей, а с резким сокращением набегов горных дикарей - они объявлялись не чаще раза в несколько месяцев. Но нельзя было сказать, что жизнь союза от этого стала легче, она всё ещё оставалась непомерно тяжела, и существенное облегчение пришло 116 лет назад, когда служители-разведчики заметили исчезновение караулов на границе Пепельной Пустоши.

Никто не понимал, почему это произошло, но догадки звучали. Окончание войны, обеднение господ, предательство караульного начальства, заключения о полном вымирании пустынных жителей, в общем, всё, что только приходило на ум тариканцам. Союз увидел в этом возможности к построению нового бытия Пустоши, граница же похоронила надежды на корню. Жители запустынь боялись изгнанников, поэтому кидались в первых выходцев из мертвенной земли камнями, кололи вилами, забивали до смерти или хватали и казнили незваных гостей на рубеже пепельного пустыря в назидание остальным изгоям.

Когда слухи о расправах добрались до Тарика поселенцев обуял страх, они не рисковали приближаться к запустыню, но служители не унимались. В то время они уже вели расчёты бронзой и сплав оказался необходимым материалом для жителей соседних с Пустошью земель. Сыны Гиарата потратили около трёх лет на поиск и построения отношений с теми, кто мог бы обеспечивать жителей пустыни благами внешнего мира, и первая торговая вывозка в Торговую Бухту состоялась 113 лет назад. В ней удалось узнать, что на материке не нашлось ни единого месторождения меди, поэтому бронза заменила служителям золото, хоть и оценивали её ощутимо дешевле жёлтого благородного металла. Но это не помешало служителям разменять сплав на кучу идалов и закупиться «вдоволь».

Через год произошло грандиозное, по меркам мертвенной пустыни, событие, прозванное авторами манускриптов «началом Катаругового переворота». 112 лет назад Пепельная Пустошь впервые приняла на свои земли обитателей другой, не столь жаркой, забугорной пустыни - смышлёных катаругов. Стадо из тридцати голов служители закупили у фермера на окраине Торговой Бухты и на перегон потратили несколько дней, чтобы стражники порядка не заметили преступной связи местных жителей с пустынными изгнанниками.

Катаруги шокировали своим видом коренных жителей пустыни, им и до этого не приходилось видеть вживую какую-либо скотину, а тут перед глазами предстали игривые и забавные существа, на которых к слову не было «насрать» Густаву, тщательно скрывавшего от посторонних глаз дружелюбность к этим животным. Благодаря книгам, кои теперь покоились под неподъёмными обломками второго корпуса гиаратовской библиотеки, Густав узнал, что этих созданий вывели путём скрещивания курдючных овец с обитателями песчаных и снежных пустынь. Экспериментальная селекция произвела на свет необычных зверят, коих нарекли катаругами. Чаще всего они вырастали метр в высоту и полтора в длину, нося на лапах от шестидесяти до ста двадцати килограммов. Их шерсть мало чем напоминала овечью и оказалась в разы грубее и медленнее в росте, но приятным достоинством получилось то, что в подшёрстке не приживались паразиты. Также у нового вида в следствии мутагенных процессов отросла третья пара лап, а жир сошёл с курдюка и стал нарастать, в независимости от пола, по всему брюху, что позволило им сохранять в туловище большие запасы воды и обходиться без водопоя до десяти месяцев. Морды катаругов сложились совершенно непохожими на те, что были у основоположников вида, вместо вытянутых особенностей они заимели приплюснутые рыла. Ровные зубы выдавали в них травоядных, и к удаче тариканцев кусты варты непривередливым зверушкам полюбились. Кожа катаругов отличилась прочностью, оттого ценилась бронниками и кожевниками, потому что при малых вложениях ремесленники получали крепкую шкуру и грубую шерсть, подходящие не только для военного дела, но и для шитья одежды или других предметов обихода, что существенно обогатило быт тариканцев и служителей Гиарата. Но примечательнейшей же частью тел катаругов оказались уши, они отрастали настолько длинными, что кончики почти касались земли, а ширина вкупе с прочностью кожи позволяла животным защищать себя и потомство от хищников с острыми клыками или когтями, оберегать новорожденных детёнышей от перегрева на солнце и приукрашивать размашистыми движениями танцы в брачный период.

Катаруги воистину получились полезными созданиям, но, как часто бывало в селекции, не без недостатков. Их мясо считалось съедобным, но люди предпочитали его не есть. Тому

виной ядовитое молоко, которым самки вскармливали детёнышей, наделяя их кровь губительными свойствами. Если тушу катаруга неправильно обескровливали, то готовое мясо убивало человека в течение двух суток. Противоядия жители Пустоши не имели, но, к своему благу, ещё век назад научились разделять катаругов без рисков для жизни. Однако, благодаря материнскому молоку, мясо и жир катаругов приобретал отталкивающий коричневый цвет и горький вкус, но пустынному народу оно вынуждено пришлось по вкусу.

Густава вдруг отвлекло от дум грызущее чувство опасности. Оно заставило кучера украдкой взглянуть на Дави, вновь принявшего вертеться по сторонам.

«Да что-ж ты не уймёшься?»

Кучеру пришлось отложить трапезу, и способ отвлечь Дави подвернулся сам собой. Густав сбавил ход лошади, ведь началось восхождение на первый холм, затем он привстал и прикрыл глаза рукой, чтобы солнце не мешало притворно рассматривать дорогу впереди. Гигант прекрасно знал, что за пригорком он увидит лишь большой холм.

- Деревьев ещё не видно. Слышь, не верти башкой, а то всё самое интересное пропустишь.

- Я не верчу, просто смотрю.

- Да? И на что же ты смотришь?

- Сам не знаю. Мне как-то не по себе.

- Чавой это?

- Не знаю. Забудь, наверное, просто нервничаю.

- Ну это бывает. Все боятся перемен, бра-тец. Ты лучше возьми себя в руки, скоро кое-что увидишь.

Поёрзав, Дави уселся спокойно и усталился вперёд. Густав, ясно понимая о каком нервозном чувстве говорил сосед, прихлопнул комара на лбу и вернулся к трапезе, а там и к путешествию по воспоминаниям, которое утянуло широкоплечего в горестный закоулок памяти.

Густава отбросило на 20 лет назад: жизнерадостному мальчишке только исполнилось 12. Он с нетерпением ждал подарков - в Пепельной Пустоши таковыми считали редкую еду и новую одежду без заплаток - и юного Густава поздравляли всем поселением, даже судьба не осталась безучастной, подкинув мальчишке неожиданный дар – рок осиротевшего.

Отца он совсем не знал, а матушка Анна единожды обронила о нём несколько сухих слов: «он тебя заделал и пропал, вот и весь отец». Густав не печалился по этому поводу, ему было «насрать», потому что мальчишке с лихвой хватало материнской заботы, такой тёплой и нежной, что ни один ребёнок в Тарике не чувствовал себя настолько счастливым, как юный Густав.

Община уважала Анну, в особенности Иогастос, бывший главный смотритель Гиарата - он почил своей смертью пять лет назад, когда Густаву было 27. Женщина трудилась вторым пастухом, за что получила в дар от Иогастоса целых десять голов катаругов - в Тарике владение собственным стадом было сродни обладанием небольшого состояния. Но не само владение скотом сделало добродушную Анну почитаемой в поселении женщиной, тому подспорьем стали задатки предприимчивого купца и даровитой травницы. Природные способности подвели Анну к сотворению из единственного вида куста Пепельной Пустоши товара, позволившего матери-одиночке жить благополучнее любого другого тариканца.

Из луба варты Анна высушивала флету - специю, способную приглушать кислые и горькие привкусы, а из кустовой заболони и жира катаругов она варила мазь от ожогов, которой её сын будет кичиться и вонять перед Дави много лет спустя.

Купеческие же задатки Анны проявились в странствующем быту, когда пастушка сменяла Мекхена на выгуле катаругов. Вид далёкого заграничья пустыни не давал ей покоя, каравулы давно исчезли, и женщина видела в этом шанс сделать жизнь тариканцев хоть сколь-нибудь уютнее. Она потратила год на уговоры Иогастоса помочь ей добраться до ближайшей деревни и выстроить новый тороговый путь, потому что в Торговой Бухте можно было только поку-

пать необходимое для выживания, но никак не торговать. В конце концов главный смотритель поддался и потратил 10 с небольших килограммов бронзы на подкупы стражников и частые путешествия Анны на запад до Турреса – деревни, о которой рассказывали приходявшие с той стороны путешественники.

Но выкуп подступа к Турресу стал лишь началом. Анна опасалась жестокой расправы, так как думала, что её могли казнить за любое неосторожное слово. Некоторых тариканцев, со слов деревенских, в прошлом казнили вместе с теми, кто соглашался хотя бы заговорить с ними. Но благо это было так давно, что воинтсвующий настрой успел смениться не столь опасным ворчанием, в чём женщина вновь увидела возможность сделать жизнь Тарика лучше. Анне пришлось потратить полтора месяца на поиски выхода к понимавшим ценность бронзы старшим стражникам и заключения с ними уговора – она им часть прибыли, а они ей разрешение хоть немного поторговать на окраине рынка в крестьянской одежде. Когда тороговый путь был налажен, Анна одна, без защиты и поддержки, если конечно не считать любивших лишние деньги деревенских стражников, собрала волю в кулак и, рискуя всем, отправилась на туресский рынок в заранее купленной у местной пряжи одежде.

К удаче Анны, она не только выжила, но и преуспела. Специя стала настолько востребована, что торговке, якобы с восточных земель, выдали именную торговую грамоту, но только как кочующему торговцу. Она наделяла торговку правом торговать на рынке 4 раза в месяц и обязывала отдавать десятую часть товаров, в качестве пошлины, правящему в сельскохозяйственных южных землях графу Финниари. Налоги не шибко тревожили женщину, в конечном счёте у неё начали водиться деньги, которые можно было тратить, как душа пожелает. Однако в жадности или скупости Анну никто из тариканцев упрекнуть не смел. Одежда, экзотичная еда, лекарства, всё, что могло понадобиться, захотеться или не хватало пустынному народу она покупала при первом же случае. Вскоре ей пришлось дважды в месяц брать в помощь кибитку служителей и Густава, настолько много мешков флеты торговка увозила из дома или доставляла купленного в Тарик. В каждую поездку мальчик настойчиво просил мать взять его с собой, но кому-то нужно было следить и ухаживать за скотом, и эта порука ложилась на плечи верного сына. Густав, к удивлению Мекхена, оказался умелым скотоводом, поначалу мальчик конечно побаивался питомцев, но вскоре ни единый весёлый денёк мальчишки не обходился без ушастых созданий, а как часто он ради забавы шлёпал их по жирному пузу было вовсе не сосчитать. В то время Густав чувствовал себя счастливейшим ребёнком Пустоши и это ощущение было неразделимо с, казавшейся мальчишке бессмертной, возможностью помогать с хозяйством любимой маме.

К сожалению, счастье это не продлилось и двух лет. В одну из ночей группа из трёх престарелых пустынных дикарей застала тариканцев врасплох. Анну серьёзно ранили вилами, а бродивший по округе Иогастос не успел подоспеть вовремя. Обезумевших недругов забили насмерть, а катаругов удалось спасти от съедения заживо, и только мать Густава не пережила налёта. Всё, что успела сделать женщина, так это коротко поговорить с Иогастосом, попросив его позаботиться о Густаве и вырастить из него достойного мужчину.

В день смерти матушки мальчик пребывал в столь сильном шоке, что осознать потерю и выпустить разрывающее сердце горе смог только на утро следующего дня. Тогда Иогастос посмотрел юному Густаву в глаза, и мальчишка впервые разглядел в слугителе черты сурового человека. На вид ему было около пятидесяти годков. Покрытое глубокими морщинами и шрамами лицо выделялось пронзающими тяжёлым взглядом серыми глазами. Волосы спадали до плеч и местами блестели сединой, а длинная борода уже давно посеребрилась окончательно. К изумлению Густава, грубая внешность шла вразрез с сочувствующим поведением и словами главного слугителя. Они склонили сироту к мысли, что перед ним на одном колене стоял сострадательный и потому добрый человек. Густав ещё не подозревал насколько сильно ошибался.

К ночи следующего дня, тариканцы собрались у кладбища, дабы проводить Анну в последний путь. В мгновение, когда последний язык погребального огня потух, Густав прочувствовал, что такое перейти из рук заботливой матери в цепкие и хладнокровные лапы Иогастоса.

Служитель не дал мальчику дожидаться погребения останков и увёл в хижину. Единственные слова, что в ту ночь вышли из его рта, стали приказом, произнесённым строгим и напугавшим мальчишку голосом:

- Ложись спать. Завтра много работы.

С раннего утра Густав по полной вкусил «заботу» Иогастоса и жизнь «достойного мужчины». Служитель заставил воспитанника собрать у входа в хижину семейные вещи, чтобы раздать их тариканцам. Одежда, игрушки, мебель, специи, даже скот с деньгами Анны ушли общине, а Густаву, за слезливую попытку остановить отсечение пуповины прошлой жизни, досталась жгучая зад порка.

Через два дня ребёнок, спрятавший в рукаве пестик от материской ступки, смиренно переехал в Гиарат и поразился виду твердыни, и тому, кем на самом деле оказались служители, но впечатляющий эффект оказался недолог. Кроме Иогастоса и Густава подопечных ордена больше не осталось, и осознание этого давило на мальчика, как и другое откровение. Юный служитель часто думал о том, как порой истории местного люда о героях и сами герои разительно отличались друг от друга. Иогастос хоть и производил впечатление величественной фигуры в сообществе Пепельной Пустоши, но всё же за пределами Тарика Густав разглядел в словах и действиях главного служителя нечто схожее с призрением к тариканцам. Старик вынуждено носил маску негласного лидера жителей деревни, и делал это только потому, что без них служителю было попросту не обойтись. С того времени Густав не сомневался, герой Тарика всегда был лицемером, каких ещё надо было поискать, и такого Иогастоса никто из тариканцев не имел чести узнать.

Но Густаву деваться было некуда, ему пришлось обжиться в Гиарате и мириться со строгими правилами этого места и его двуличным смотрителем. В других обстоятельствах жители Тарика позаботились бы о нём, но никто не посмел пойти против предсмертного желания Анны и решения Иогастоса выполнить просьбу почившей. Строгость же уклада служителей юный ученик ощущал в полной красе, телом и умом. Первые два года бесконечные тренировки и учёба скрашивали обедневший быт Густава, но в дальнейшем больше злили и приводили к недопониманию – ради чего всё это было нужно? Если умениям махать кулаками и обращаться с режущим оружием можно было найти хоть какое-то обоснование, то нужду в заучивании стихов Ксерната, а также нескончаемые штудировки текстов из гиаратовской библиотеки, он никак не мог понять. Даже сам Иогастос не мог этого внятно объяснить:

- Это нужно для великого дела. Когда придёт время, нас будут вспоминать с почестями.

Вот только Густаву не нужны были восхваления, однако попытки добиться разъяснений всегда приводили только к одному, к побоям. Любой промах кулаком, любое слово против, любой настырный вопрос всегда заканчивался поркой, и нередко, столь сильной, что Густав из-за синяков мог заснуть только в положении сидя на кровати в окружении нескольких подушек.

Единственной отдушиной для Густава стала творческая работа с пестиком ступки. Ему удалось найти кусок точильного камня и с чего помощью начать вытачивать из пестика образ любимой матери. Часто работа проходила с разговорами с образом Анны, и Густав был готов поклясться, что статуэтка иногда ему отвечала. В глубине души он понимал, что это было невозможно, но выгонять оживавшие в голове воспоминания о матери Густав не намеревался.

Образ матери он выточил за два месяца. Получилось неумело, но по мерке «ваятеля», в самый раз. В одном из походов в Тарик Густав обзавёлся мотком катаружьей шерсти и сплёл верёвку, которую продел через фигурку. С тех пор каменный образ всегда свисал с шеи Густава

и хранил частичку матери у самого сердца, и нередко, как думал сын, живший в ней дух Анны, не раз помогал ему переживать тягостные времена.

Густав мирился с ними до шестнадцатилетия. Мальчик становился мужчиной и обзавелся зубами, которые укусили Иогастоса в очередную порку. Главный служитель за это взгрел ученика основательно, Густаву пришлось до рассвета опираться о стену, потому что ноги с пят до поясницы пульсировали болью. Однако, юный служитель ощутил вкус победы на следующий же день. Наставник более не позволял наказывать подопечного, и Густав искренне не понимал, почему? То ли из-за того, что теперь он мог постоять за себя, то ли потому что в наказаниях уже не было нужды. В любом случае, для Густава было радостью больше не получать порки.

Исчезновение наказаний сделало жизнь Густава монотонной, да настолько, что он ненадолго начал повторять за повадками и манерой разговора Иогастоса. Такой образ жизни настолько въелся в сироту, что он и сам начал замечать за собой качества, которые ненавидел в главном служителе. Поделаться с этим что-либо ученик не смог, поэтому и сам вырос в двуликого мужчину Густава-Гуса – человека, которому по-гусовски было на всё «насрать», а иногда по-густавски – нет. Всё зависело от того, что было выгодно той или иной стороне его подгнившей и воспитанной лицемером морали.

Отношения у служителей не налаживались, и можно сказать – надежда на это полностью разрушилась, когда Иогастос привёл в стены твердыни Иллиона. О его родителях Густав толком ничего не знал, Иогастос лишь единожды рассказал, что они были разнорабочими на одном из складов в Торговой Бухте, но слегли от какой-то заразы, когда их сыну было 7. Немногим больше двух лет Иллион бродяжничал по Бухте, голодал и воровал, пока его наконец не арестовали. Иогастос случайно стал свидетелем поимки приткого мальчишки, и его впечатлили ловкость и находчивость маленького бродяги, ведь страже пришлось долго за ним гнаться. Смотритель разузнал, что мальчик уже с год как осиротел и никому до него не было дела, тогда-то он и решил выручить Иллиона и взять в ученики. Иогастос посетил начальника стражи и после пары крупных взяток он без проблем забрал сироту под опеку. Так и появился в Гиарате «ловкий воришка из Торговой Бухты».

По мерке Гуса, тот оказался заносчивым лизоблюдом – такой же весь строгий и правильный как сам Иогастос. Но Иллион не был лицемером, ибо всегда хорошо отзывался о тариканцах и со всей искренностью заботился о них. В учёбе и тренировках новичок всегда старался показать себя, и у него это получалось. Иллион только трижды заслужил порки от Иогастоса, остальное же время главный смотритель ставил его Густаву в пример. Драк и споров между Иллионом и Густавом не происходило, им было нечего делить, так по крайней мере думал Густав.

Единственное, что Густава до нетерпения раздражало в Иллионе – это его разговоры во сне и шептания с бронзовой головой в одиночестве, когда он думал, что никто не видит и не слышит этого сумасшествия. Говорил младший служитель, как думал Густав, с воображаемым отцом или может другом детства. Старший брат не раз хотел наорать на младшего и приказать прекратить разговаривать с бронзовой головой, однако в открытую он так ни разу не высказался, потому что и сам часто беседовал с каменным образом матери.

Через несколько лет ряды ряды служителей пополнил Дави, которому тоже пришлось столкнуться с потерей родителей. Его мать и отец были коренными тариканцами и однажды они решили отправиться на поиски новой жизни, но ребёнка с собой брать им оказалось в тягость. Выход из положения родители нашли наистраннейший – они не придумали ничего лучше, кроме как продать пятилетнего сынишку Иогастосу за 50 идалов. К везенью омерзительной пары смотритель их не убил, а выкупил Дави и отпустил горе-родителей на все четыре стороны. Никто с тех пор их не видел, да в общем-то никто и не хотел, особенно повзрослевший Дави.

Густав нашёл с ним общий язык, хотя скорее старший научился использовать наивность и мягкость младшего, и передавал ему всю грязную работёнку. Иллион часто вмешивался в эти отношения и не позволял Густаву садиться Дави на шею, и это бывало заставляло Иогастоса разгонять учеников по разным частям твердыни, чтобы они не пересекались днями, а то и целыми неделями.

Единственный серьёзный спор между Иллионом и Густавом случился 6 лет назад и чуть не перетёк в серьёзную драку. Тогда Иогастос начал чувствовать себя неважно и решил передать пост главного служителя твердыни не двадцатисемилетнему Густаву, а восемнадцатилетнему Иллиону. Старший ученик конечно понимал, почему он не получил в наследство должность Иогастоса, но признавать саму причину, крывающуюся в непослушании и бунтарстве, у него не было никакого желания.

Со временем Густав принял лицемерным лицом и поведением решение Иогастоса, но никто не подозревал, насколько сильная обида затаилась внутри обделённого служителя и что она, через 6 лет созревания в сосуде «подгнившей морали», выльется в спланированный побег и ограбление Гиарата в тяжелейшее для служителей время.

- ...ус, Гус!

Дави вскриком вкупе с толчком грубо вырвал кучера из странствий по воспоминаниям. Вернувшись, Густав посмотрел перед собой и увидел с верхушки второго холма урожайные земли Дун-Эдана. Плавный переход начинался в паре сотнях оборотов колеса кибитки от подножия холма, где сухо-пепельная земля сменялась живой почвой, из которой торчали редкие бледно-жёлтые ростки травы.

- Это... ты слышишь? Слышишь?

- Слышу, слышу, - раздражённо ответил Густав.

То посвистывала птица, чьё щебетание доносилось издалека, со стороны высоких деревьев с пышными и танцующими на ветру кончиками зелёных крон.

- А вон там, лесополоса?

- Да она это, она. Заткнись уже и успокойся, а то штаны от радости обмочишь.

Пусть Густав и ворчал, но внутренне разделял восторг спутника. Он много лет скучал по этим краям и сам еле сдерживал радость, ведь трудно было сохранить спокойствие перед природной красотой с её красочными видами, насыщенными запахами и поющими звуками, способными тронуть душу и лишить чувств каждого из коренных тариканцев.

Пока Дави с широко раскрытыми глазами осматривал преображённую округу, Густав приложил руку к рубашке и почувствовал под ней каменный образ матери. Она продолжала оберегать сдавившееся от возвращения на дорогу прошлого сердце, и кучер вновь начал уноситься в воспоминания.

В себя он пришёл через несколько километров, когда земля окончательно окрасилась в насыщенный зелёный цвет с проблесками цветочных оттенков. Это были караульные территории, здесь прежде стража границ запустынь охраняла южный вход в земли Дун-Эдана от непрошенных гостей Пустоши. Память вдруг подкинула Густаву образы заброшенных палаток и деревянных караульных постов, которые он видел вместе с матерью в торговых вылазках. Теперь от них остались лишь воспоминания, кто-то убрал памятники презрения к пустынным жителям и этот внушило кучеру приятное чувство спокойствия.

Это ощущение усилили протянувшиеся вдоль дороги полосы деревьев. Сначала гостей встречали низенькие, как Густав знал со слов матери, сосны, коим всё ещё недоставало чего-то для роста, а потом шелестом листвы их поприветствовали здоровые и упитанные деревья. Густав не сомневался, что Дави не видел ничего подобного даже в самом фантастическом сне, если конечно не считать картинок, не раз встречавшихся в древнем пособии по дендрологии, но и там изображения не передавали всю возможную живописность древесных стражей дорог.

Когда первые стволы высочайших сосен миновали плечи путников, Густав с облегчением заключил – Пепельная Пустошь наконец осталась позади, бывшие служители окончательно въехали на территорию Дун-Эдана.

- Воздух тут... он... я даже не знаю, как сказать. Мокрый, хотя нет... вкусный что ли?

Густав прекрасно понимал, что имел в виду Дави. Когда сухое дыхание Пепельной Пустоши сменялось влажным дун-эданским, то оно наполняло рот и нос ароматами плодovитой природы и тяжестью густоты, которые вместе казались витавшим по округе незримым сиропом.

- Жаль пожевать нельзя.

- Так ты вон, травы пожуй, - с усмешкой предложил Густав.

- Мне даже посылать тебя не хочется. Хотя погоди, есть ли тут речушка или озерцо какое? Вот туда я бы тебя послал. Так искупаться хочется.

- Успеем ещё, ай, сука, – выругался кучёр хлётко прибив комара на шее. – Надо бы поторопиться, если до вечера не успею до окраины Турреса, то будем ночь с комарьём делить, а я этого не хочу. Да и ты не захочешь. Эти твари из нас всю кровь высосут, уж можешь мне поверить.

Неожиданно для Густава Дави ни с того ни с сего обернулся назад, и на его лице застыло недоумение. Широкоплечий заметил, что взгляд спутника устремился куда-то назад, к Пепельной Пустоши.

- Что опять? Уже так нетерпится вернуться, а?

- Гус, у меня такое чувство... я даже не знаю, как это объяснить. Мне кажется за нами следит что-то большое.

Кучер разразился заливистым смехом и сквозь проступившие слёзы выдавил:

- Ага-ага, великан охотится за моей вырезкой. А хотя нет, там бежит злой Иллион, чтобы нас выпороть. Ох, уух, ладно, балбес, хе-хе, хватит нести чушь. Сядь ты уже прямо и не гони дурачка.

В этот раз Дави не послушался.

Теперь и Густава охватила взявшаяся из ниоткуда стремительно нарастающая тревога. Старичок Вирка тоже подал голос, выдавая пугливое ржание. Теперь кучера не покидало стойкое ощущение, прямо за ним двигалось нечто колоссальное, настолько огромное, что никакой из древних великанов не мог пойти ни в какое сравнение с надвигающейся угрозой. Неожиданно незримое чудовище громогласно показалось, но не за спинами путников, а высоко в небе, и один только его вид заставил Густава и Дави оцепенеть от ужаса. Крохотная точка родилась в чистом небе прямо из воздуха и начала стремительно расширяться. Серо-чёрное пятно за несколько мгновений превратилось в громадного парящего монстра, который закрыл тушей, как позалась Густаву, высившийся над Анталом небосвод.

Дави разразился в диком крике.

- Оно меня жрёт!

Густав, не успев даже сообразить, что произошло, получил в лицо жёсткую затрепину и чуть не свалился кувырком с кибитки на землю. Кучер успел одной рукой схватиться за спинку седушки, а другой натянуть на вожжи на себя. Обронив страх, Густав вернулся на место и узрел комедийное представление, ведь испуганно кричащий и с закрытыми глазами Дави яростно махал руками, отгоняя от шеи выдуманного людоеда. Гигант глянул вверх и понял, что произошло, оттого резко схватил Дави за руку и дёрнул к себе.

- Да успокойся ты. Никто тебя не жрёт. Что ты орёшь, оглянись полудурок, тут никого нет.

Дави перестал махать руками и с полными ужасом глазами уставился на спутника.

- Гус, оно откусило мне затылок, - еле выдавил шёпотом Дави.

- Да успокойся ты, ещё заплачь мне тут.

Дави медленно повернулся в сторону Пепельной Пустоши и поднял дрожащую руку, указывая пальцем вверх на монструозное пятно. Густав посмотрел и опешил от вида грозового моря, наполнившего некогда голубую небесную гладь. Чёрное чудовище рыдало и это зрелище подсказало кучеру, чего стоило ожидать от царившей в небе грозной тучи.

- Нам конец? Конец? Гус? Ну скажи ты хоть что-нибудь.

Вместо объяснений Дави получил новую порцию испуга. Кучер остановил Вирку, а затем резко приложил ладони к щекам спутника и заорал со всей мочи:

- Это дождь, юху-у-у! Ты понимаешь это, коротконогий? Дождь, дождь, дождь, мой любимый дождь, - начал припевать Густав, после чего отпустил лицо Дави и спрыгнул с кибитки.

- Дождь? Это и есть грозовая туча?

- Самая что ни на есть она. Спускайся, трус несчастный, скоро здесь зальёт от души, надеюсь. И чтобы ты знал, на это мне тоже не насрать. Хер ли вылупился? Давай быстрее слезай, ты не пожалеешь.

Дави последовал призыву и спрыгнул на землю. Шумно бушующий ливень приближался и постепенно страх Густава испарился, освободив место предвкушению скорого удовольствия.

- И что теперь? - спросил Дави трясущимся голосом.

- Повторяй за мной.

Густав задрал голову и раскрыл рот, Дави повторил и успел вовремя. Дождевые капли похожие на тысячи небесных стрел захлестали землестоящих. За короткое время путники успели напиться вдоволь и остудиться до ощущения блаженной прохлады. Широкоплечий украдкой заметил, что Дави подбежал к Вирке и подставил к нему ладони, с которых старый конь жадно высасывал дождевую воду. Густав, даже несмотря на свою природную злобу, был искренне рад увиденному, словно дождь смог ненадолго смыть с него плотную корку сварливости.

Принесённую дождём идилию в одночасье унёс засвистевший холодный ветер.

- Вот это холодрыга.

- Чего? Слушай, Гус, тут становится холодно, мы не заболеем?

Густав услышал в словах Дави дельное замечание, не хватало им ещё простудиться и слечь замертво. Гигант решил, что нужно было поскорее найти укрытие и просушиться, ведь из одежды у путников больше ничего не было.

- Забирайся обратно, поедem в лесополосу.

- Какую колбасу?

- Залезай на место, - с раздражением крикнул Густав, дабы перекричать ливень.

- А это ещё что?

Широкоплечий поднял взгляд к небу и глазом встретил начавшийся град.

- Ф-ф-ф, жопа катаружья! – ругнулся Густав, потирая пальцами прикрытое веко. - Быстро, поехали, - громко скомандовал он Дави.

Путники оседлали кибитку и кучер, не жалея Вирки, дал маху вожжами, и все устремились к лесополосе.

- Что это, Гус?

- Град.

- Я про это, - крикнул Дави, показывая на чёрную как смоль тучу, в которой сверкали всполохи света.

- Блять, это молнии сверкают.

- Что?

- Я говорю, молнии сверкают, - ответил во всю силу горла Густав.

- Что такое молнии?

- Твою... ну ты же сам видишь, вспышки в небе такие.

Дави обернулся назад и с дрожью в голосе крикнул:

- Да, фиолетовые вспышки.
- Что? А вообще заткнись, не отвлекай.

Густав обернулся ещё раз, чтобы оценить обстановку. Среди монструозных туч беспрестанно сверкали фиолетовые огни, и он знал, благодаря книгам, что от молний ничего хорошего ждать не стоило, потому что грозовые тучи так и наровили бить молниями по деревьям. Это значило только одно – заезд в лесополу мог оказаться смертельным решением.

Раздался раскатистый удар грома, чуть было не разорвавший путникам уши.

- Гус!

- Звенит... больно звенит, – кричал, отпустивший вожжи и закрывший уши ладонями Густав.

- У меня голова сейчас лопнет. Куда ты нас везёшь?

«И в самом деле, куда?» - сквозь звенящую боль подумал Густав и тут в его голове родилась спасительная идея. Он остановил лошадь и крикнул Дави: – Под кибитку, быстро.

- А чего не под деревья?

- Если по ним вдарит та фиолетовая хрень, то мы сдохнем, понял? Быстро под кибитку.

Оба одновременно прыгнули и застыли в оцепеняющем страхе. В небе со стороны Турреса вздулись с десяток пурпурных сфер. Вид парящих на фоне чёрной тучи тел вызвал у Густава отвращение, но в то же время необычная красота небесного явления манила его взгляд. Сферы вдруг втянулись, и Густав понял, вот-вот случится нечто опасное. Не успел он выйти из цепких лап боязни, как шары раздулись и лопнули, подняв с земли волну пыли вперемешку с травой. Дави сдуло с ног, но гиганту удалось устоять. Он метнулся к перепуганной лошади и успел усмирить Вирку до того, как тот бы вырвался из упряжки.

Ветер стремительно затих, а в ушах Густава всё ещё звенело, отчего ему казалось, что Дави мог не услышать зова.

- Эй, ты там как? – крикнул Густав во всю силу.

- Я в порядке, - ответил поднявшийся с земли и держащийся за плечо Дави. - Смотри.

На месте лопнувших сфер, которые взорвались где-то над полями Турреса, расступились тучи, открыв бледно-голубое небо и выпустив около дюжины полетевших к земле фиолетовых клубов дыма или облаков. Густав хоть и чувствовал себя в безопасности, но дымки эти наводили нешуточную тревогу и вызвали навязчивый интерес, будто он что-то знал об этих облаках, но никак не мог вспомнить что именно. Вскоре дождь прекратился и бесцеременно унёс с собой остатки не так давно радовавших Густава чувств. Теперь сварливому хотелось поскорее отдохнуть от истязаний загадочного погодного террора.

- Дави, мы сделаем привал под теми деревьями. Нам надо обсохнуть. Как доберёмся, ты накорми коня травой и попытайся его успокоить, а то кажется он от страха может подохнуть этой ночью. Грёбаная гроза.

- Хорошо, - сухо ответил промокший до нитки Дави.

Вирка хоть и ковылял медленнее прежнего, но стойко дотянул кибитку к лесополосе. Отдых пришёлся путникам кстати, потому что гроза вытянула из них все физические и моральные силы продолжать путь.

Густав разжёг костёр, а Дави выжал одежду и повесил её сушиться, после чего нарвал Вирке травы и даже поел катагурятины. Путники до самого сна не проронили ни слова. Вскоре Густав услышал храп Дави и начал наслаждаться гулявшему по округе приятному ветерку и звучанию успокаивающего треска костра. Но приятнейшей частью вечера оказалось отсутствие комаров.

Широкоплечий прилёг поудобней, достал остатки мяса и посмотрел на Вирку, который с аппетитом ел траву. Во время трапезы он вновь пытался вспомнить, почему фиолетовые облака показались ему чем-то знакомым, но вместо ответа получил промелькнувшую во рту боль. Зуб чуть не раскололся о катаружий хрящ. Потерпев, гигант осторожно доел мясо и, под-

сев в костру, кинул в него хрящ. Вглядываясь в пламя Густав решил окончательно отречься от клятвы слугителя Гиарата и дать новую. Густав поклялся самому себе, что сейчас съел последний в жизни бывшего сына ордена кусок вонючего мяса, а завтра он проснётся новым человеком, который всегда будет есть только хорошую и вкусную пищу, и посвятит жизнь постройке достойного и счастливого будущего, чего бы это не стоило.

Глянув на спящего Дави, Густав подумал, что сейчас было лучшее время, чтобы придушить эту трусливую обузу, но тело молило об отдыхе, поэтому он улёгся у дерева и перевёл взгляд на огонь. Погрузившись в воспоминания о матери, Густав так глубоко погрузился в омут памяти, что не заметил, как быстро его подхватили воды сна.

- Вставай. – прозвучал сквозь сон незнакомый голос. – Вставай, кому говорю?

Густав, почувствовал грубый толчок, открыл глаза и вскрикнул от неожиданности. В ночи, при свете слабо-горевшего, на него взирал незнакомец.

- Поднимайся быстро.

Густав встал и увидел, как у дерева напротив с перепуганным Дави разговаривали ещё трое незнакомцев. Каждый был выбрит, причёсан и хорошо сложен. Они были обуты в хорошие сапоги и одеты в тёмные стёганные штаны и кафтаны, похожие на гамбезоны, и усеянные металлическими пластинами. Незнакомцы оказались непохожи на стражу Туррес, потому что их униформа носила только красный цвет с золотым узором сосны на груди и не выглядела столь качественной. Густав не отрицал, за многие годы, пока он не посещал Туррес, могло многое измениться, но его не покидало ощущение, что незваные гости были не из местных.

- Встань туда, быстро. – Незнакомец указал на место недалеко от Дави. – Чьих будешь?

- Чьих?

- Откуда приехал, кто твой дружок, что везёте, кому везёте, откуда взяли? Всё рассказывай.

Гус украдкой глянул на Дави, целёхонький, его не били, не пытали, только перепугали, да столь сильно, что он не мог проронить и слова.

- Мы едем с Тафилы... точнее с Торговой Бухты. Везём книги и железо в Туррес. Сами же мы из ниоткуда, просто кочующие торговцы, без дома и родины.

- Плохие вы видимо торговцы, раз в таком тряпье разъезжаете. Да и тощие как бездомные дворняги. Сдаётся мне, что ты за дурака меня держишь?

Густав только сейчас понял, что зря не предусмотрел подобный исход. Нужно было придумать легенду заранее, теперь ему придется наспех придумывать хоть что-то подходящее на правду.

- Честное слово. Мы решили сократить путь через пустыню и на нас напали дикари. Мы отбились только благодаря чуду, а к вечеру заболели. Может, те убийцы нас чем заразили или пустынный сухой ветер продул, не знаю. Но долго мы бы так не протянули, поэтому поехали на поиски деревни в Пустоши. Мне о ней матушка рассказывала. А как добрались, то и решили отлежаться у пустынников. Там такая жара стоит, что одежда в тряпки сама собой превращается, а без хорошей еды сами видите, что с нами стало. вот и надели эти тряпки. Нам просто повезло, что мы выжили.

Незнакомец усмехнулся и подозвал одного из своих.

- Осмотри груз.

Густаву это не понравилось, нельзя было допустить чтобы они нашли припрятанные на дне ценности, иначе можно было бы распрощаться с новой и безбедной жизнью.

- Допустим вы торговцы, допустим на вас напали дикари, допустим вы вырвались, а потом заплутали, заболели и оголодали, только ответь-ка мне вот на что. Недавно разразилась буря и с неба полетели необычные вещи, а теперь мы встречаем вас. Не кажется ли тебе это странным совпадением?

- Кажется, но это вправду совпадение.

- Куда более странно то, что вы объявились здесь в предверии праздника по случаю рождения наследника графа Финниари.

- Про праздник мы ничего не знаем, а про бурю только то, что мы и сами её перепугались. Вот и сделали привал. Всё, что мы хотели, так это получить возможность поторговать на туресском рынке, больше ничего.

- Как тебя звать?

- Густав, это Дави, мой помощник.

Широкоплечий только сейчас понял, как он оплошал от волнения, нужно было придумать другие имена, ведь если всё обойдётся, Иллион мог выйти на их след просто пообщавшись с этими солдатами.

- Я Бэрис, сержант частной стражи Ловингтона. Мы охраняем Туррес на время праздника. Теперь по порядку, что везёте?

- Ох, ну и вонь, – выпалил стражник, осматривающий повозку.

- Что там? – спросил у того Бэрис.

- Да вонища страшная. Погодите... ох, да, от этого куска мяса несёт. Так это же жаренная катагурятина, не иначе.

- Катагурятина? Интересно, двое худощавых и загорелых торговца едут со стороны Пустоши и везут жаренную мясную отраву. Неужели больше еды не нашлось?

Вопросы Бэриса подтвердили догадки Густава. Он ещё по-детству помнил, в Турресе знали, что пустынные жители выживали за счёт катагурятины, но только не Бэрис. Это заключение подтолкнуло бывшего служителя к выводу - стражники Ловингтона пришли из далёких земель.

- Нет, в деревушке Тарик купили у местного пастуха, Мекхен звать его. Кроме катагурятины у них ничего не нашлось.

Бэрис замолчал, а Густав прочитал в его глазах недоверие, но раз их не арестовали, значит шансы на спасение всё ещё оставались. К несчастью гиганта волнение дополнил сильный зуд на затылке, заставивший пожалеть путника том, что он забыл помазаться мазью перед сном. В Густава впился комар, и мужчина еле сдерживал желание прихлопнуть кровососа, потому что боялся сделать резкое движение и, тем самым, спровоцировать ловингтонцев на решительные действия.

- Тарик говоришь, а я уж думал это всё сказочки для туресских детишек. И сколько вы там пробьёте?

- Где-то месяц. Обстановка там, сами понимаете, выздоровлению не шибко помогала, да и слабы мы были, чтобы через силу добраться до Турреса.

Зуд стал до жути нестерпим, и Густав прихлопнул комара, заставив тем самым Бэриса схватить его за руку.

- Что это ты удумал?

Сердце Густава ёкнуло, и он выплюнул оправдание:

- Извини... извините, сержант! Это всего лишь комар.

- Ты больше так не дёргайся, понял? – грозно приказал солдат.

- Да, сержант... сержант Бэрис.

Ловингтонец отпустил Густава, и это принесло широкоплечему облегчение.

- Сержант, – крикнул подбежавший от кибитки солдат. – Там под железом и книгами четыре здоровенных куска бронзы.

- Бронзы? – вырвалось у Дави.

Густав заметил, как взгляд сержанта переменялся. Теперь волнение сдавило не только сердце гиганта, но и всё нутро, а интуиция откровенно кричала о том, что нужно было спасаться, всё начало заходить слишком далеко.

- Твой дружок видимо не в курсе. Бронза, значит... странно, насколько я знаю ввозить и торговать металлами в Дун-Эдане без разрешения нельзя, а у вас и железо и бронза разом. Знаешь, что в этом всё меня смущает? Что вы не шибко похожи на поставщиков, да и телега у вас непривычная для такого дела. Я так подозреваю, это просто какое-то недоразумение? Что-ж оно легко решается, у тебя же есть две торговые грамоты на ввоз и продажу бронзы и железа в землях Дуэ-Эдана, ведь так?

Густав не знал, что ответить, вместо этого глянул на осуждающего его взглядом Дави, который непременно, если бы не опасное положение, набросился с кулаками на обманщика.

- Ведь так? - уже грозно повторил Бэрис.

- Да... да-да конечно...

Бэрис протянул руку и со всей присущей солдату вежливостью попросил:

- Позволь, я взгляну. Если с грамотами всё в порядке, мы вас проводим до Турреса.

- Да-да, сейчас. – Густав потянул руку к карману, в котором уже давно не было ничего кроме дырки, и решил действовать. – Дави, убери это! – Успел только крикнуть гигант, чтобы отвлечь Бэриса и занести руку для удара, как ему в лицо прилетел лоб сержанта.

Широкоплечий полетел назад в полубессознательном состоянии и сильно ударился затылком о ствол дерева. Прикрыв глаза он увидел, как два стражника повалили Дави, а третий начал связывать руки. Этот вид вскоре скрыли появившиеся сапоги Бэриса.

«Как же так получилось?»

Успел только подумать Густав перед тем, как сержант с размаха ударил его ногой прямо в лицо.

Глава 3

Иллион в недоумении разглядывал останки упавшей с неба кровавой загадки. Не так давно он был уверен, что из сферы выпало одно создание, пусть и во многом неестественное. Но теперь, когда исследователь поближе рассмотрел три куска туши, то предположил - возможно на землю летело два существа, сцепившихся в страхе от осознания скорой смерти или в пылу воздушной битвы.

Раздался хриплый вздох. Иллион кинул взгляд в сторону небесного мальчика, тот всё ещё пребывал без сознания и продолжал тихо-мирно лежать рядом с каменным деревом. Дышал малец ровно, изредка сипел, но это служитель списал на раздражавшие горло остатки соли. Бояться пока было нечего, буря с дождём хорошенько разогнала удушливую серную вонь, першение в горле Иллиона от этого не прекратилось, но оставалось терпимым, поэтому можно было потратить ещё немного времени на изучение останков другого небесного гостя или гостей.

Иллион подобрался ближе к двум лежащим рядом друг с другом кускам туши, то были часть туловища и лапа, бесспорно принадлежавшие одному животному. Их покрывала буровато-жёлтая короткая шерсть с выраженной мускулатурой под ней. Сильный был зверь, скорее всего хищник, к такому выводу Иллиона склонили не только развитые мышцы, но и торчащие из подушечек лапы кончики когтей. Служитель с осторожностью надавил на подушечку и толстый шип вытянулся сантиметров на 5 в длину. Иллиона не покидала стойкая уверенность, что он знал, чьи это были останки, но память наотрез отказывалась подкидывать ответ.

Перебравшись к третьему куску туши, Иллион бегло его осмотрел и принял за изогнутый массивный хвост, который вполне мог сойти и за конечность необыкновенно большого насекомого или паукообразного. Вместо шерсти эту часть тела покрывал чёрный с синим отливом панцирь, с редкими чёрными щетинками, росшими ровными линиями по всей длине. Из оставшейся целой верхушки торчал блестящий и заострённый кончик, похожий на смертоносное жало. Иллион наклонился поближе и заметил, что оно было надломлено у основания и оттуда сочилась тёмно-зелёная жидкость.

«Кровь или яд?»

Оторвав лоскут от тряпки для полировки головы Вермила, Иллион обернул им руку в несколько слоёв и осторожно схватил жало. Раскачивающими движениями ему удалось сильнее надломить панцирь и с треском оторвать от «хвоста» сочившийся зелёной жижей шип.

Иллион рассмотрел жало с разных сторон, и вдруг память выдала картинку – знакомую зарисовку, на которой была изображена кисть руки в сравнении с таким жалом, и которая была приложена к чьей-то работе, посвящённой гибридной группе существ. Но название работы или существа всё никак не проступали из дымки забывчивости.

- Есть мысли, Вермил? Где мы могли это видеть?

- *Поверни ещё раз. Панцирь, жало. На разрыве в начале есть что-то ещё?*

- Погоди. - Служитель осторожно приподнял хвост со стороны рваной раны и приблизился к разгадке тайны. Основание конечности резко переходило с панцыря на крошечные обрывки светлой шкуры. Осмотрев место разрыва, служитель заключил, что мускулатура хвоста была неотличима от той, которой обладали две другие упавшие части туши. – Охренеть! Ты понимаешь, что мы видим?

- *Это точно гибрид. Тебе повезло, что тогда я не спал.*

- Да, но что это за гибрид?

- *Тогда тебе не повезло, я уснул на Аграции обыкновенной.*

- Нет, это точно не она. Думай же, давай, головушка, думай, - затараторил Иллион, и слова возымели силу. – Стой! Как же там было? К подвиду «Химер» можно отнести... можно

отнести...да как же её там? Манра... минта... манти, мантикора, да-да, мантикора. Говна Гусу за воротник, да это же мантикора!

- **Мантикора?**

- Да, нечего было дрыхнуть. Но могу рассказать, если хочешь?

- **Будто у меня есть выбор.**

Иллион с восторгом принялся рассказывать Вермилу о мантикорах. Жадный до знаний служитель узнал о них из хранившейся в библиотеке Гиарата работе «Классификация Гибридов», между страниц которой Иллион также нашёл старую и занимательную заметку-заключение:

«Заключение: Выводы и настойчивые просьбы Грудда Альявфе исключить Мантикор из «Химер» и причислить к «Вихирнам», не приняты собранием старших Эревнитов Гиарата.

Причины: «Вихирны» являются редчайшими представителями «Гибридов» и выделяются от других подвидов семью отличительными признаками, от быстротечных регенеративных способностей и заканчивая уникальными составами и свойствами ядов. Мантикоровский яд губительно воздействует преимущественно на анцыбал, субунаформов и торфянников, это свойственно исключительно для представителей подвида «Химер». Помимо этого, мантикоры имеют всего две из семи особенностей «Вихирн», изменения в категоризации вызовут сложности в подготовке выдвижных охотничьих групп и в обучении молодых эревнитов.

Грудду Альявфе доставить письменное решение со следующим посланием:

Собрание старших Эревнитов Гиарата настойчиво рекомендует вам прекратить распространяться о мантикорах, как о благородных созданиях и поумерить пыл в попытках склонить нас к внесению правок в «Маднессар». Мы высоко оцениваем представленные вами дневниковые записи с подробнейшими описаниями внешнего вида и годовых повадок мантикор, они помогли ордену продвинуться в самостоятельном изучении этих существ и расширить, посвящённый им в «Маднессаре», блок. НО, ПРЕДУПРЕЖДАЕМ!

Вы имеете искажённое представление о некоторых особенностях поведения мантикор, в этом вопросе вами движет не учёный интерес, а неоправданный восторг перед этими существами. Ваши слова о том, что мантикоры безвредны с весны на лето и с осени на зиму, являются ничем не подкреплёнными домыслами. В небрачные периоды они продолжают представлять серьёзную угрозу, охотники Гиарата богаты личным опытом встречи с мантикорами в эти времена года. Если узнается, что ваши наставления затуманили представления людей об этих хищниках и привели к жертвам, то орден будет вынужден принять в отношении вас решительные меры.»

- **Субунаформы? Это ещё кто?**

- Так называли живых существ, которые внешне походили на природные объекты, но внутренне состояли из жидкой системы, заменяющей привычные внутренние органы.

- **Ничего не понял.**

- Представь, вот увидел ты лужу грязи.

- **Представил.**

- Допустим ты ткнул в неё палкой и проткнул верхний слой.

- **Допустил.**

- Если ты вытащишь палку, и она станется грязной, то ты просто потыкал палкой в грязь.

- **До безобразия логично.**

- Но если из неё потечёт густая жидкость, чаще всего синего цвета, или если она начнёт защищаться, то тогда ты бы столкнулся с субунаформой.

- **Ты будто плевки Гуса описал?**

Иллион издал смешок.

- Что-то вроде... кхм. – У Иллиона сильнее запершило в горле, воздух ощутимо наполнился серной удушливой тяжестью.

- *В целом, я понял, что это за твари. Давай лучше пойдём отс...*

Иллиона не остановили слова Вермила и подступавший серно-солёный яд, он продолжил делиться знаниями о мантикорах, потому что видел в этом возможность остаться подольше рядом с останками первого встреченного в жизни чудовища, не описанного словами или показанного картинками из книг, а настоящим, пусть и мёртвым доказательством существования Монструма.

Служитель продолжил рассказ и вернулся к Грудду Альявфе. При жизни учёный закончил спорный труд «Гибриды. Что нам о них не рассказывают?». В ней автор всё же причислил мантикор к подвиду «Вихирн» и сделал это через 3 года после получения отказа от гиаратовских эревнитов – насколько понял Иллион, так называли гиаратовских учёных-монстрологов. Пострадал ли кто-либо от выводов учёного и получил ли он за свою работу наказание от ордена, сегодняшнему служителю выяснить не удалось, потому что Альявфе больше нигде и никем не упоминался. После себя он оставил миру только один, подвергнутый местами сомнениям текст, посвящённый подробным описаниям Гибридов.

Альявфе обрисовывал мантикор высокими, больше двух метров в высоту «благородными существами», с туловищем и лапами львов, головой покрытой густой гривой, из которой торчала внушающая ужас морда, и хвостом скорпиона. Иллион точно вспомнил, что учёный заглавными буквами выделял этих существ, как «ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД». Яд мантикор из-за кислотных соединений считался смертельным, людей он убивал в среднем за несколько часов, анцыбал и торфянников за неделю, а субунаформов уничтожал «на месте». Тому виной: химическое свойство яда, превращавшее некоторые элементы живой субунаформной субстанции в растворительные образования, которые и вызывали скорый губительный эффект для столь необычной формы жизни. Эссенция из яда мантикор являлась ценным и незаменимым алхимическим и медикаментозным ингредиентом. Миллилитр такой жидкости «стоил, не меньше ладони медных фунов». Иллион знал, фунами называли деньги на севере Антала, в землях и по сей день существующего (это подтверждали жители Торговой Бухты) княжества Эннрас, откуда был родом Альявфе.

В ходе рассказа у Иллиона никак не укладывалось в голове «свалившаяся» на него благосклонность судьбы. Она подкинула путнику один из ценнейших даров, и нет, дело оказалось далеко не в редкости яда, хотя не без этого. Для Иллиона ценность находки заключалась в другом - в его руках оказался настоящий трофей, какие в прошлом гиаратовские служители сносили в твердыню из разных концов света. Даже если Иллиону не удастся найти жалу практическое применение, то по крайней мере теперь служителю было что показать Густаву и Дави, но навряд ли побратимы так запросто поверят ему на слово, поэтому обязательно попросят привести их к останкам мантикоры.

В глубине души старший служитель не хотел этого делать. Он не сомневался, Густав точно разузнает о ценности мантикоровского яда и начнёт настаивать на его продаже какому-нибудь алхимику, учёному или врачу, потому что деньги были сегодня важнее радости от находки и владения редким ресурсом. Иллиона такая перспектива не устраивала по двум причинам. Во-первых, кто в здравом уме поверил бы, что на продажу принесли жало с ядом самой мантикоры, о которых люди знали преимущественно из сказок? Во-вторых, как бы Иллион не хотел принимать проснувшийся в нём эгоизм, но единоличным владельцем жала он теперь желал считать только себя самого. От этих дум он глубоко вдохнул и разразился раздражающим лёгкие серным кашлем.

- *Захлопни уже рот и беги отсюда. Твоё жало, твоё, всё, смиришься с этим. Я тебя не осужу. Но будь добр, не дай нам тут задохнуться.*

Откашлявшись, Иллион решил не отвечать на слова внутреннего голоса, поэтому завернул жало в ткань, положил свёрток в сумку и пошутил:

- Смотри не поранься.
- *Это не моя голова.*
- Тебе сложно подыграть что ли? Кх-кгхм...
- *Ты лучше нашу голову оберегай.*
- Будет сделано, о сударь нашей башки!

Иллиона одолел жуткий влажный кашель и пока он боролся за вдох, то увидел, что небесный мальчик сильно дёрнул головой.

Закинув сумку через плечо, служитель подбежал к ребёнку и прислушался. Дыхание оставалось ровным, но его разбавила звонкая хрипотца. Служитель подхватил мальчика и со всей возможной осторожностью закинул себе на плечи. Перед тем как двинуться дальше, Иллион ещё раз взглянул на останки мантикоры. Ему было жаль, что обстановка не позволяла унести с собой больше частей туши чудовища, ведь его телу и без того предстояло тяжёлое испытание. Но он не сомневался, что вернётся, пусть даже к прогнившим или истлевшим до костей останкам.

Неохотно повернув в южную сторону, Иллион направился в Тарик.

Когда жжение в горле, носу и глазах прекратилось, Иллион сделал короткий привал, положил ребёнка на землю и прополоскал рот. Затем взялся обтирать небесному гостю лицо и услышал голос Вермила:

- *Давай только без самобичевания, хорошо? Ну не скажешь ничего про жало, ну и что с того? Твои угрызения совести ни в чём нам не помогут, я уже чувствую, как давят на меня. Ты хочешь меня раздавить?*

- Нет, просто...

- *Просто давай без этих детских капризов. Ты уже взрослый мальчик, а всё пытаешься всем и во всём услужить. Так послужи мне, возьми жало и перестань переживать. Мне будет приятно.*

- Хорошо, не буду тебя больше мучить. Спасибо, Вер!

- *Да не спасибой ты. Просто перестань изводиться. А вообще, подумай лучше о другом.*

- О чём же?

- Меня до сих пор беспокоят *сферы*. Сколько мы их увидели, сотни, тысячи? Ты представляешь, как много таких вот гостей попадало на материк?

- Думаешь, мы можем найти живую мантикору?

- *Меня больше беспокоит то, что мы можем встретить кого-то поопасней живой мантикоры.*

Иллион никак не ответил на замечание Вермила, но всерьёз из-за него задумался.

«И правда, что ещё могло прилететь к нам извне?»

В первые два дня Иллион с лихвой ощутил телом, насколько мучительным складывается обратный путь. Вес мальчика и сумки с каждым шагом отнимали у него драгоценные силы и заставляли кожу обливаться потом, а плечи и ступни гореть жгучей болью. Ноша вынуждала делать остановки чаще и чаще, но целеустремлённость не позволяла Иллиону отдыхать подолгу, поэтому он пересиливал себя и стойчески шёл вперёд. За это время служитель и словом не перекинулся с Вермилом, хотя последний пытался завести разговор. Вместо бесед Иллион отвелкал себя от боли мыслями. Что же теперь станет с миром после свершения, предсказанного в Ксернате и появления гостей извне? Какая роль в новом миропорядке теперь была отведена ему и небесному мальчику? Впервые в жизни Иллион по-новому взглянул на

исполнившуюся мечту, потому что она привнесла в жизнь состоявшегося сына ордена Гиарата самый сильный людской страх - страх перед неизвестностью.

Когда наступили сумерки второго дня ноги запротивились воли хозяина. Служитель уложил мальчика на землю, затем снял сандалии и принялся массировать горящие ноги и отёкшие плечи. Когда пришло облегчение путник наконец улёгся спать, даже ничего не подложив под голову. Его злило, что он прошёл значительно меньшее расстояние, чем хотел, но это чувство резко остудил прохладный нетипичный для Пепельной Пустоши ветерок. Иллион только сейчас осознал, что солнце сегодня тоже было само на себя непохоже, небесное светило всё ещё накрывало пустыню знойным одеялом, но уже не таким плотным, каким оно было до бури. Ветер вдруг встрепенулся и будто играючи кинул в Иллиона горсть серого песка, но служителя это никак не побеспокоило, потому что усталость уже передала его во власть глубокого сна.

К вечеру второго дня Вермил уже не смог сдерживаться:

- Илл, остановись, иначе закричу и не уговорюсь, пока не остановишься. Ты нас так к смерти приведёшь. Посмотри, ну подними же голову. Видишь? Мы не дойдём.

Иллион с сожалением принял горькую истину, до Тарика живым за это ночь он и вправду не дойдёт. До поселения оставалось около сорока тысяч шагов, но живот сводило от голода, а колени уже дрожали так, что путник в любой миг мог сложиться на землю. Тело всё чаще отказывалось подчиняться, поэтому Иллион повиновался призыву Вермила и остановился на ночлег.

Пока небесный мальчик мирно спал на земле с каплями воды на лице, служитель попил сам и сел на пепельную землю. Он взялся рассматривать жало мантикоры и рассматривал его столь долго, что причина этого заинтересовала Вермила:

- Я чувствую, тебя что-то гложет. Может поделишься?

- Может пророчество было про меня? Про нас с Гусом и Дави?

- Ты про служителей, которые должны вернуться?

- Да. Я думаю, что имели в виду предки под этим возвращением. Вернуться, в смысле людям будет нужен орден Гиарата? Или я с этим жалом уже и есть тот, кто должен был вернуться? А если пророчество уже исполнилось, то что теперь требуется от меня? Как я могу помочь исполниться тому, чего сам до конца не знаю?

- Илл, мы на эту тему говорили много раз, и я всё ещё не поменял своего мнения. Если есть пророчество, то оно как-нибудь само исполнится. Мы слишком мелкие, чтобы судьбу мира тащить на плечах, уж не говорю про то, чтобы контролировать пророческие события. Ты допусти возможность, что вдруг в этом и есть суть? Может тебе нужно идти навстречу неизвестности. На твоём месте я бы пошёл.

- Но ты не можешь пойти, в этом и различие между нами.

- И что? Ты вот можешь, но не идёшь, потому что, как и всегда, ищешь сложные ответы на простые вопросы. Знаешь, меня раздражает твоя вера в то, что кто-то, когда-то за тебя всю твою судьбу расписал. Это как узнать точный срок не скорой смерти, тебе ещё жить да жить, а вкуса к жизни то уже и нет.

- Может желание узнать подробности и есть мой «сок».

- Может. Но не забывай, когда получаешь желаемое, через время нередко начинаешь задумываться, а стоило ли оно того? Действительно ли ты хотел этого? Ты мечтал получить пост главного служителя, и получил, но что за этим последовало? Человек, который спас тебя от повешенья, мучительно умер вскоре после того, как исполнил твою мечту, Илл. Понимаешь, о чём я?

Иллион не ответил и погрузился в размышления. Он не сомневался, что погодный катаклизм и небесные гости – это именно то явление, что было предсказано в стихотворных строчках обрывочного Ксерната. Его полный текст, который сгинул во времени, было уже никак не восстановить. Как рассказывал Иогастос, который и сам знал подробности о полном тексте

Ксерната со слов почивших наставников, раньше предсказание представляло из себя одноэкземплярное тридцатистраничное руководство. После его гибели в пожаре служители-предки решили восстановить то немного, что они запомнили и размножить в виде небольшого походного руководства. Как заключил Иллион, вспоминая свой двухстраничный Ксернат, предшественники не шибко-то и утруждались в изучении книги, определявшей всю значимость их долга.

Но на самом деле Иллион мог бы и сам дополнить сегодняшнее руководство, потому что Иогастос нередко рассказывал, что часть продолжения Ксерната передавалась поколениями из уст в уста, но никто так и не решился дописать руководство, в том числе и бывший смотритель твердыни. Иогастос же всегда со смехом говорил, что «всем просто было лень придумывать четверостишия, а из меня поэт уж тем более никакой». Иллион принял это шутовское замечание, как стойко-сложившуюся традицию, хотя в глубине души понимал, почему никто так и не расширил Ксернат. Сомнения в достоверности рассказов и нежелание большинства служителей-предков учиться читать и писать – вот что, по мнению Иллиона, стало главным препятствием на пути к восстановлению предсказания.

Устные части Ксерната Иллион воспринимал скептически, потому что они казались надуманными и часто непонятными, особенно из-за непонятных слов или словосочетаний.

«После катаклизма Гиарат воскреснет, и вернёт служителей из затяжного сна. Они встанут на защиту Дэл-Илана и сойдутся в битве с теми, кого сложно представить в смелых фантазиях или увидеть в жутчайшем ночном кошмаре. Им будут противостоять те, кто всегда обитал за Чёрной Вуалью - отпрыски кошмарного Отца, которых Он вырастил в фантастогоричных порождений ужаса, выходцев из крайне мерзких мест окутавшего Дэл-Илан загадочного чёрного космоса.»

Значения слов «фантастогоричных» и «чёрного космоса» Иллион совсем не понимал, Иогастос тоже, но их беседы о предсказании чаще касались того, что «Гиарат воскреснет, и вернёт служителей из затяжного сна». Иллион до сих пор не мог определиться с тем, как стоит понимать эту часть рассказа. Что она могла значить? Служители спят? Спят в горах или где ещё? Или спящие служители - это он сам и его братья Густав и Дави? Служители должны упасть с неба? Небесный мальчик - служитель? Если настоящие служители где-то спали, то имел ли он хоть какое-то право называть себя служителем Гиарата? Иной раз он вообще думал, а не был ли этот непрописанный в Ксернате отрывок чьей-то жестокой шуткой? Эти размышления настолько изводили путника, что он никак не мог уснуть, особенно из-за мысли, которая одолевала его, словно зубная боль.

«Если настоящие служители действительно откуда-то явятся, то примут ли они меня в свои ряды?»

Иллион так сильно себя накрутил, что натужные думы привели Вермила и вынудили его настойчиво отвлекать носителя от дурных размышлений. У внутреннего голоса получилось, правда пришлось звонко верещать и материться. Путник уснул только под одеялом ночи, и встретил его тревожный сон. В нём сквозь белую пелену проступило нечто похожее на расплывчатый гнусный обелиск. Он приближался к спящему, невероятно высокий, от него смердело ужасом, а на чёрных гранях, как почудилось Иллиону, что-то двигалось, на стенах протекала тошнотворная и омерзительная пародия на жизнь. За мгновение до того, как отвратительный монумент окончательно вышел из белой пелены, Иллион не выдержал сотрясающего разум зрелища и со вскриком проснулся, с радостью отдавшись в объятия жаркие объятия Путоши.

Третий день дороги по полной испытывал Иллиона на прочность: лодыжки опухли и остро отзывались на каждый шаг, поясница горела и была готова треснуть под тяжестью ноши, плечи рыдали ещё с утра, силы тела даже на мелкий почти иссякли, путник не сомневался,

что может в любое мгновение рухнуть в обморок. Однако Иллион не сдавался, на ногах его поддерживал вид хижин Тарика и выработанный за несколько непомерно тяжёлых и долгих часов ходьбы ритуал – за каждым шагом путник обещал себе награду:

- Ещё шажок, и ты попьёшь... ещё шажок, и ты поешь... ещё шажок, и ты поспишь.

Мученик предвкушал, как проведёт заслуженный отдых. Первым делом он хотел поест и напиться воды посвежее, а затем ополоснуться и уснуть на ближайшую пару дней. Жажда столь простых вещей побуждала разум выискивать и каким-то чудом находить в закромах тела силы, и эта человеческая способность откровенно поражала Иллиона. Что ж, служителю предстояло удивиться ещё больше, скоро он узнает на что ещё может быть способен обессиленный человек, особенно под властью страха и злобы.

Иллион оторвал взгляд от ревущих от боли ног и посмотрел в сторону Тарика. Увиденное заставило путника замереть на месте и на мгновение остановило его сердце. От крыш хижин потянулось несколько столбов серого дыма.

- О нет! Нет-нет-нет.

Служитель сорвался с места, заставив боль с усталостью нагонять его на пути к поселению. Иллион не сомневался, на Тарик обрушился очередной налёт пустынных дикарей, и в этот раз дела складывались не в пользу тариканцев. Нападавшие редко поджигали дома, ведь они надеялись когда-нибудь обжить их и зажить лучше прежнего, но, если людоеды пошли на такое, значит отряд пребывал в бедственном положении, и ожидать от него стоило только беспредельной жестокости. Она пугала и одновременно наполняла Иллиона злостью, ибо пиком бесчеловечности могли стать не понаслышке знакомые каннибальские костры, на которых пустынные безумцы любили заживо поджаривать взятых в плен бедолаг.

К несчастью служителя, глубоко запрятанные источники силы приблизились ко дну. Мученик ощутил это каждой частичкой тела, которое чуть ли не рассыпалось на бегу, но отказывающие конечности были лишь частью трудностей. Иллион не знал, как ему следовало поступить с небесным мальчиком. Вбегать с ним в Тарик в пучину битвы или в случайно стоявшую где-нибудь за хижин толпу дикарей могло стать трагической ошибкой, оставить же ребёнка лежать посреди пустыря тоже было не самой здоровой идеей, каннибалы могли запросто унести или съест ребёнка на месте.

- Вер, я уже... ух...м-м-ма... не соображаю. Где... где спрятать мальчика?

- *Бери левее, к кладбищу*, - ответил внутренний голос с присущим ему в опасных обстоятельствах спокойствием.

Нога внезапно остоленела, её пронзила теснящая судорога. Служитель чуть не улетел носом в землю и потерял способность бежать, острая боль в стопе заставила перейти на быстрый шаг. Иллион готов был разразиться проклятиями, но копил нарастающий ком злобы, чтобы обрушить на дикарей.

Столбы серого дыма вдруг заметно растолстели и почернели, огонь что-то подпитало. Иллиона пронзила душераздирающая тревога, так как он уверовал, что в Тарике восторжествовали людоедские глашатаи смерти.

Нёсшийся быстрым шагом на помощь служитель ненароком представил, как застанет людоедов за стонущей готовкой и отвратительной трапезой, а среди них пока ещё вопящих от тяжёлых ран и ожогов друзей. Разыгравшаяся в голове картина кровавой вакханалии раскалили в душе Иллиона нечеловеческий гнев, выплеснуться которому не дал Вермил:

- *Стой! Да стой, говорю. Слушай.*

Среди звуков биения сердца и тяжёлого дыхания служитель различил крики, потушившие его пламенный гнев, словно его внезапно окатила волна ледяной воды. Из Тарика доносился праздничный напев:

Он-оп, ап-ап, па-па-пааа!

Сегодня водицей запьём, раз не богаты вином.

*Мы тариканцы, мы катаругов жуём.
Завтра за водицей пойдём, раз выживаем с трудом.
Мы тариканцы, мы катаругов жуём.*

Песня заласкала слух Иллиона, отчего его покрытое потом вперемешку с пылью и усталостью лицо озарилось бледно-жёлтозубой улыбкой.

- Не сомневаюсь, они празднуют приход дождя.

Иллион согласился с Вермилом. Не было никакого набега, тариканцы стали свидетелями настоящего погодного чуда, чем не могли похвастаться целые поколения лежащих в земле предков, поэтому устроили гулянье, единственными жертвами которого могли оказаться только катаруги и запасы овощей.

Начав осторожно переступать с ноги на ногу Иллион вслушался в запевания поселенцев. Миновало с пару десятков куплетов перед тем, как он добрался до крайней северной хижины.

Несколько часов отдыха, этого сейчас желал мученик больше любого другого атрибута праздника: воздух вокруг был переполнен радостью, весельем и свежестью; тариканцы скорее кричали, чем пели; запах стоял неприятный, ведь жарили катагурятину, но всё же он казался голодавшему б с половиной дней путнику аппетитным.

Иллион чувствовал, что вот-вот свалится без сознания, из последних сил он завернул за хижину и увидел с десяток счастливых тариканцев. Тогда-то тело уже не молило о пощаде, а начало бороться с хозяином за выживание.

- Народ, - прохрипел Иллион. – Эй! Наро-од.

Служителю только казалось, что он крикнул, на самом деле его язык еле-еле собрал буквы воедино и выкинул за зубы слова. У Иллиона внезапно подкосило ноги, и он протёр плечом стенку хибары.

- Это же Илл, - сказал кто-то из толпы. – Эй-эй, не упади. Чего расселись? Пошли поможем.

Трое мужчин подбежали к почти улетевавшему вниз путнику и сняли с него мальчика.

- Вды... дайте воды.

Когда груз спал с плеч, Иллион ненадолго почувствовал лёгкий прилив сил и помог тариканцам усадить себя на скамью под притенкой. Он заметил, что небесного мальчика унесли от гнёта палящего солнца в ближайшую хижину. В это же время, стоявший рядом Дудд попросил соплеменников крепче попрiderжать плечи Иллиона и метнулся за деревянным ведром и черпаком. Наполнив черпак, Дудд поднял ведро и окатил служителя прохладной водой. Бодрящая дрожь пробежала по телу путника, и он оживился, потянувшись к черпаку. Иллион жадно пил воду и от её вкуса широко раскрыл глаза.

- Ещё.

- Хороша небесная водица? - с задором спросил Дудд. – Чего встали? А ну-ка, соберите Иллу тарелку, да побольше.

Служитель выпил три черпака, но нарастающая благоприять в один миг сменилась головокружением и размытостью перед глазами. Рвотные позывы и дурное чувство полёта, накрывали Иллиона так же, как вода заполняла его желудок. Когда принесли еду, он трясущейся рукой взял тарелку, но есть не стал. Слишком дурно чувствовал себя.

- Позовите Мека.

Дудда кивнул в сторону одного из столпов дыма.

- Он там, ножки с хвостами катаругов для жарки понёс, скоро вернётся. Слушай, что за ребёнка ты приволок? Неужели у дикарей отбил?

- Позови Мека, это срочно, - попросил Иллион, с трудом балансируя на грани сознания и обморока.

- Хорошо, как скажешь. Если чего ещё надо, крикни, я тебе принесу.

- Спасибо, Ду!

Тариканец направился в сторону накрытых столов и прошёл мимо костра, над которым на вертеле закрепили цельную тушу катаруга.

- А ну-ка, братцы и сёстры, запевай. Мы тариканцы, мы катаругов жуём... Э-э-эй, Мекхена видел кто?

Народ вновь запел во все глотки. Иллион старался мысленно подпевать, чтобы не свалиться в бесчувствие. Его конечности сводило от перенапряжения, а округа поплыла так, будто его уносило буйным течением Тафилы. Внутри металась пустота, служитель чувствовал, как нутро уходило к пяткам, и стремительно поднималось вверх, подкатывая к горлу рвотный ком.

- Иллион, Иллион, мальчик мой, - кричал бежавший к служителю Мекхен. – Что стряслось?

Служитель посмотрел в сторону пастуха и увидел лишь расплывчатое пятно, но всё равно встретил его трудоёмкой улыбкой. Иллион безмерно уважал и любил негласного старосту Тарика, потому что пастух был для него человеком, которого он без доли сомнения мог назвать своим заботливым и родным дядькой.

- Я... не дошёл до Бухты. Пришлось идти обратно.

- *Илл, слушай меня, старайся глубоко дышать. У тебя сейчас сердце лопнет. Тебе нужно лечь,* - грозным голосом объявился Вермил.

- Что-то случилось?

- Да.

- Это всё из-за ребёнка? Мне сказали, ты мальчика принёс. Ты его у дикарей отбил?

- *Попроси положить тебя, скорее!* – закричал Вермил.

- Он... он, - каждый новый вдох давался Иллиону с трудом. В груди разбушевался сердечный гром, ощущение потопления приближалось к апогею, – не был... ты... понимаешь. Ты... с неба упал.

- Я? С неба упал?

- Не ты... он... с неба...

- *Руки к голове, руки к голове,* - взвыл внутренний голос.

- Илл! Поймал, я поймал тебя, мой мальчик. Тише, ти-и-ише. Помогите мне, - крикнул тариканцам Мекхен.

Служитель чувствовал, как его с трудом поддерживали грубые руки пастуха. Иллион хотел было попросить Мекхена напоить небесного мальчика, но размышления об этом досуха опустошили всевозможные телесные источники сил и окончательно утопили мученика в цепких водах дурного самочувствия.

- *Только не кричи, не кричи...*

Иллион вырвался из оков сна с криком:

- Напои.

Женщина перед ним поджала кулаки к груди и закричала от страха. От неожиданности служитель подхватил испуг и получил хлёсткую пощёчину.

- *Ну И-и-иллион...*

- Жопка катаружья, Илл! Я чуть на месте не померла... Не сильно ударила?

Сидевший на невысокой кровати служитель прижал ладонь к горевшей щеке и признал – шлепок привёл его в чувство. Перед ним стояла Финна, жена Мекхена, носившая потерявшее упругость кожи тело и тяжёлые руки.

- Влепила, так влепила.

- *Даже я почувствовал...*

- А ты чё хотел? Нечего тётушку пугать. Пить хочешь?

Иллион явственно осмотрелся, признав знакомую с самого приезда в Пепельную Пустошь комнатуху. Несостоявшаяся детская, пристроенная Мекхеном к своей хибарке для

будущих детей, о которых они с Финной мечтали с молодости. Но этому желанию не суждено было сбыться. После болезни, которая чуть не сгубила жену пастуха, Финна до конца дней приобрела дряблую кожу, опухший вид и частые боли внизу живота. Сколько бы пара ни пыталась зачать дитя, не случилось и крохотного намёка на беременность. Единственным ребёнком им стал малютка Иллион, которого однажды привёл и часто оставлял на попечение семье пастуха Иогастос. Комната по сей день хранила память о счастливом детстве юного служителя: рисунки угольками на обрывках ткани; пахучие остротой кувшинчики с мазью из жира катаргов смешанным с привезённым из Бухты перцем; одежда, в которой Иллион впервые объявился в Тарике, лежала аккуратно сложенной на кривом стуле рядом с кроватью, и никто за минувшие годы не посмел тронуть её для бытовых нужд.

- Нет. Прости, что напугал.

- Да брось ты! Есть будешь?

- *Будет, будет, правда, Иллион? Или снова сознание терять будем?*

- Буду, тётушка. Только скажи, я вчера с мальчиком пришёл. Где он?

Финна отошла в сторону, и служитель увидел лежащего на второй кровати небесного мальчика с блестящими на лице проникающим внутрь солнцем каплями воды. Тётушка обтирала гостя мокрыми тряпками и не давала перегреться в душной комнатухе. Иллион резко встал и его повело. Финна подхватила служителя под руку и тут же начала недовольничать:

- Да куда ты спешишь? А ну-ка, дай-ка, - Финна приложила губы ко лбу Иллиона. - Холодный. Тебе повезло, а то мигом бы растёрку из жира с перцем получил. Сыночек, не балуй ты так сильно, а то сляжешь.

- *Вот-вот. Меня не слушаешь, хоть внемли словам этой мудрой женщины.*

Иллион улыбнулся и кивнул.

- Сильно не буду, обещаю. Он просыпался?

Женщина подошла к ребёнку, чей таз накрывал кусок серой ткани, и убрала с его груди мокрую тряпку.

- Нет, кряхтел немного, но спит, как убитый. Так, сейчас поесть наложу, а ты давай осто-рожененько на воздух. Скоро вечереть будет, так что иди и подыши. Мужёнок щас подойдёт, он катаружку кормит.

- Я могу и тут...

- Ничего слышать не желаю. На улицу иди и там поешь. Ты уже довёл себя, что аж чуть лоб не расшиб. Не заставляй меня ругаться, мой мальчик.

Иллион молча вышел наружу. С Финной спорить было бесполезно, а если уж кто и начинал, то жена пастуха выдавала в ответ разящие и звонкие выражения, против которых легче всего было противопоставить бессловесное подчинение.

Смолчавшего встретил необычно приятный свежий воздух. Он казался влажным и непривычным, но Иллион решил, что тому виной было ослабленное тело, которое было радо дышать спокойно.

Тариканцы вели привычные дела, сидели и скучали. Праздник уже явно миновал, поэтому многие сидела в хибарках. Лишь трое сидели под притенкой, Килли и Чосер оживлённо играли в херики-оники, и только Маришка кормила ребёнка грудью и медленно грызла лист мангольда.

Беременным и молодым матерям Тарика с лихвой давали овощей. Тариканцы, хоть и редко, но рожали детей, и радовались этому всем селением. Детьми они наполняли суровую жизнь смыслом и мало кто задумывался о том, не было ли жестоким обрекать потомков на горькую судьбу, которую им уготовила Пепельная Пустошь? Всё что получали тариканские дети – это жару, голод, страх оказаться съеденным и ни единой исполненной мечты. Смысл их жизни всегда сводился к одному - радовать взрослых родителей и заботиться о них в старости. Неудивительно, что многие тариканцы ненавидели родичей за такую явь. Однако Иллион не

сомневался, у Мекхена с Финной были все шансы вырастить счастливого жителя пустыни, но видимо у природы затаилась на них обида.

Сегодня Тарик населяли 67 взрослых, 8 стариков, 4 подростка и 1 грудной малыш Маришки, поселение постепенно вымирало. Иогастос рассказывал, в его молодости в общину входило 127 человек, и провизии в те страшно голодные времена сильно не хватало. Это противоречие в бытие Пустоши удивляло Иллиона сильнее всего – чем суровее были условия, тем больше тариканцев и служителей вмещала в себя пустыня.

«Каприз природы или великий замысел?»

- Только не начинай. Хватит меня мучить, Илл.

«Я бы рад, но не могу.»

- Посмотри на Маришку. О чём она думает?

«Не знаю. Может о вкусе листовой свеклы, или о сыне.»

- Тебе надо быть, как она.

«Это ты о чём?»

- А ты пораскинь мозгами. Представь, что ты оказался на её месте. Ты бы думал о мангольде или еде для сына, которые тебе обещало какое-то пророчество? М-м-м, думал бы? Мне кажется, нет. Маришка берёт и пользуется тем, что имеет сейчас. Она возможно тоже мучается в догадках о том, что ждать от завтрашнего дня, но не так как ты. Знаешь почему? Потому что не пытается заглянуть в будущее и понять, долёт ли её тело в грудь молока и даст ли солнце тариканцам вырастить ещё один лист свеклы? Она думает об этом, бесспорно, но живёт, отталкиваясь от обстоятельств. Понимаешь о чём я?

Иллион обернулся на зов Финны и взял тарелку с едой. Хозяюшка стремительно скрылась в хижине, и служитель наконец начал есть. Несмотря на сухость и горечь, катагурятина сегодня была хороша.

«И что ты предлагаешь, забыть про строчки Ксерната и попытаться «вырастить мангольд»?»

- Именно! Ты сделал то, что от тебя требовал Ксернат, теперь настало время следовать за интуицией, а не додумывать текст, написанный задолго до тебя. Вот что тебе сейчас подсказывает предчувствие?

«Дотащить мальчика до Гиарата и дожидаться, когда он проснётся.»

- Дальше?

Иллион с трудом проглотил сухущий кусок мяса и закашлялся. Он вернулся в хижину, набрал с бочки свежей дождевой воды и на выходе осушил деревянную кружку.

«Зависит от обстоятельств. Если он захочет живот мне вспороть, придётся идти на опережение. Если всё пойдёт мирно, то выяснить, кто он и откуда?»

- Ну вот же, можешь, когда хочешь.

«А что, если от меня требуется любой ценой сохранить ему жизнь? Вдруг я совершу ошибку, и она станет губительной для нашего будущего?»

- Тогда ты будешь действовать по обстоятельствам, больше ничего тебе не остаётся. Чем больше ты будешь усложнять себе жизнь, тем больше начнёшь сомневаться в себе и своих решениях. До этой бури ты дожил только благодаря решительности. Разве я не прав?

- Кх... кгхм. – Иллион сильно подавился, поэтому хорошенько постучал по груди и с давящей болью внутри проглотил кусок мяса с прожилкой. – Прав, прав... кхм, вот только...

- Опять сам с собой споры водишь, мой мальчик?

Пастух, разменявший пятый десяток, появился из-за хижины и взял трёхпалой рукой с тарелки Иллиона жаренный кусок катагурятины. Служитель с наигранным недовольством посмотрел на морщинистое лицо Мекхена, на котором выделялся плотный кусок тёмной ката-

ружьей кожи - он прикрывал пустую глазницу. Когда старосте было 9 лет, пустынные дикари схватили его неподалёку от Тарика и, пока один откусывал ему мезинец с безымянным пальцами, другой высосал из века глазное яблоко и откусил. Мекхена тогда спасла удача, рядом оказался камень, которым он смог отбиться и убежать к своим.

- Да... пытаюсь вспомнить вчерашнее.

- А чего помнить-то? Изнемог, да и только. Только тебя мож быть солнце шарахнуло, - Мекхен издал смешок. - Мне показалось, что ты вчера сказал, мол, малец с неба упал.

- Так и есть.

Пастух с удивлением уставился на Иллиона и с трудом сглотнул.

- Это как?

- Видел в небе круги, они ещё после дождя лопнули?

- А-то ж, тут так гроыхнуло, что мы чуть со страху не обделались. А потом такое началось... о-о-о... мы все бочки наружу, воды набрали столько, что за неделю не выпьем. Долго вспоминали, что эта вода дождём называется. Никогда такого не видел, и уж не думал, что увижу, а тут на тебе, и теперь ты мне говоришь, что мальчик с неба упал? Ты может не проснулся ещё? Ты хочешь сказать, он с дождём прилетел?

- Уже сказал. После того как, «гроыхнуло», он упал прямо в солёное озеро. Я его вытащил и принёс сюда. Он цел и хорошо дышит, но в себя так и не приходит.

Мекхен задумался и всмотрелся в лицо Иллиона.

- Что-то ты устало выглядишь. Погоди, а когда это случилось? То есть...

- 4 дня назад.

- А до нас ты его сколько нёс?

- 4 дня.

- Ну я же говорю, ты ещё не проснулся. Очнись и пой, ты почти день проспал. Но тогда оно и понятно. Ладно, с неба, так с неба. Получается он спит уже 5 дней. Странно всё это. И что хочешь с ним сделать?

- **Видишь, до чего ты себя доводишь, мой друг.**

- Отнесу его в горы и попробую выходить.

- Угу... Я даже не знаю, что тут и сказать. Хотя знаю, сынок мой, мне уже не терпится тебе кое-что показать. Ты не мог бы со мной сходить за Тарик?

- Мек, может попозже? Можно я сначала...

- Да-да-да, можно, можно, всё можно, - перебил Мекхен. - Но выполни сначала мою просьбу, хорошо? Я тебя ради этого ждал, а там уж поверь есть на что посмотреть. Никто пока не знает, что за Тариком творится, - шёпотом закончил пастух.

- **И то верно. Сходи развейся. Вдруг там тебя ждёт твоё пророчество.**

После того, как Иллион увидел пришедший на Пустошь дождь, взорвавшиеся сферы, упавших с неба мальчика и Мантикору, он был готов к чему угодно, хотя сомневался, что Мекхен покажет нечто сногсшибающее.

- А что значит, «никто пока не знает»?

- Хватит спрашивать, пошли уже.

Мекхен выхватил из рук Иллиона тарелку с кружкой и занёс их в дом. Вышел он оттуда с полной кружкой свежей воды и под наказ Финны:

- Приглядывай за ним.

- Конечно пригляжу, - крикнул пастух в сторону прохода в хижину. - На, пей побольше.

Они миновали несколько хилых домиков, в которых раздавались оживлённые разговоры. Сегодня было не сильно жарко, но достаточно, чтобы тариканцы говорили о дожде и вчерашнем празднике под защитой собственных крыш.

- Скольких ты катаругов забил? - спросил Иллион.

- Четыре головы, по одной на костёр, осталась беременная катаружка. После дождя тут такой ор поднялся, что я решил побаловать наших. Я-то думал ты скоро новое стадо приведёшь, а оно воно как получилось. Думаешь зря я поторопился?

- Нет, не зря. Давно не слышал здесь столько разговоров.

- Да... давно. Но ты погоди, сейчас вообще охнешь.

Худощавый дуэт покинул поселение и направился к скоплению камешков, выложенных кругами в небольшую поляну.

- Это и есть твоё чудо?

- Да нет же, камни я сам сложил. Ты поди посмотри, что в кругах. Давай-давай, смелей, только хорошо присмотришься.

Иллион подошёл к первому беспорядочному ряду каменных кругов.

- Тут ничего нет, просто растрескавшаяся пепельная земля.

- **Так и есть. Может он нас разыгрывает?**

- Ну тогда опустишься на колени и присмотришься. Сказал же! Внимательнее надо быть.

- Сдаётся мне, что тебе делать нечего, Мекхен. Решил пошутить?

- Ох, Иллион, мальчик мой, да посмотри ты уже, а то бесить начинаешь. Даже я одним глазом с первого раза увидел.

Иллион чувствовал себя идиотом, но всё же выполнил просьбу пастуха. Он встал на колени и положил ладони между кругов камней, уставившись в центр одного из них. И всё увидел.

«Вер, мне не кажется?»

- **Нихрена себе**, - впервые за последние 4 года ругнулся внутренний голос.

- Мек, это же...

- Да-да, они самые.

Иллион не мог поверить своим глазам, из трещин в земле к свету тянулись крошечные росточки неведомых служителям растений. Он осторожно прополз к другим кругам и в каждом замечал ярко-зелёные, с кончик ногтя, ростки. Служитель резко встал с колен и, почувствовав лёгкую дурноту, отчётливо увидел проросших с высоты своего роста.

- Они вылезли только здесь?

- Нет, дальше их ещё больше. Эти я обложил, чтобы не затоптали. Да и куда там, люду сейчас нет дела до другого чуда, пусть пока нарадаются дождю. Я вообще хотел им завтра об этом рассказать.

- Надо бы Густава привести, он же у нас в дендро... в растительности что-то понимает.

Вдруг определит вид.

- Конечно надо! Вдруг эту траву есть можно? Как с Турреса приедет, сразу его озадачу.

Иллион замер и взмолился служителям-предкам в надежде, что ему просто-напросто послышалось.

- Что ты сказал, не расслышал?

- Сразу озадачу. А что? – удивлённо спросил Мекхен.

Иллион начал нервно вышагивать из стороны в сторону. То, чего он так боялся, случилось так ни к стати.

- Когда он уехал?

- Так они... Густав и Дави. Вирку с кибиткой и в Туррес. Ты так спрашиваешь, как будто... ааа, - Мекхен переменился в лице, счастье, как сухим ветром сдуло. - Ты хочешь сказать?

- Я ничего не хочу сказать, Мек, - яростно выплюнул Иллион и продолжил уже спокойно.

- Рассказывай всё, что знаешь.

- Да чего тут рассказывать, ты спозаранку туда, они попозже туда. Приехали, попросили собрать в дорогу немного еды и воды. Я им вдогонку ещё отваренной варты для коня дал. Они

сказали, «в Туррес едем, за покупками», а потом отправились. Получается... ну да, седьмой день их нет.

- Что они ещё увезли с собой?

- Не знаю, не заглядывал. Да и я подумать не мог, что чего-то не так. Мальчик мой, неужели они сбежали?

Иллион был в этом уверен. Дезертиры, как никто другой знали, что побег из Гиарата карался пожизненным преследованием с последующим арестом и тюремным заключением, но чуйка подсказывала служителю, что побегом эти двое не ограничились, ибо они знали - охотится на них толком было некому. Единственный оставшийся служитель в Пустоши оказался в сложном положении, нужно было следить за мальчиком и в то же время требовалось как можно скорее вернуться в Гиарат, чтобы проверить все ценные вещи.

- **Вот тебе и пророчество.**

«Заткнись, Вер!»

Пораздумав, Иллион принял решение.

- Мек, где моя сумка?

- Так у нас. Могу принести.

- Я сам заберу. Мне нужно вернуться в горы, поэтому набери мне немного еды и воды.

И я очень тебя прошу, позаботься о мальчике.

- Конечно-конечно, но ты только переночуй у нас, тебя же еле ноги держат.

- Даже не упрашивай, - строго отрезал Иллион. - Меня не будет несколько дней, возможно неделю, но как всё сделаю, то сразу вернусь. Прошу, давайте ребёнку воды раза четыре или пять в день и помойте его. Я бы взял его с собой, но...

- Мальчик мой, я всё понимаю. Если же так, то беги. Только ты лучше подожди меня со стороны гор. Если Финнюшка узнает, что я тебя вот так вот отпускаю, то она нам обоим покоя не даст.

- Ладно, только выложи бронзу из сумки и спрячь пока. Как вернусь, так решим, что с ней делать.

- Сделаю, мой мальчик. – Мекхен с грустью посмотрел на запад, в сторону Турреса и разочарованием сказал: - Ох... надеюсь, эти дуралеи не натворили чего дурного.

- **Как же я в этом сомневаюсь.**

- И я на это надеюсь.

Иллион соврал. В глубине души он был полностью уверен, что Густав с Дави не просто сбежали, а ограбили твердыню. Если это действительно было так, то приговор для них мог быть только один – смертная казнь.

Глава 4

Горный тоннель дугообразной формы, почти три метра в высоту и ширину, поддерживали арочные конструкции из дерева и поржавевшей стали. Врезали такие штольни в подошву арденгантского хребта задолго до появления людей в Дэл-Илане, около двух тысяч лет назад в расцвет эваримской эпохи. Только один из этих гнетуще тихих коридоров вёл к выходу и дороге к Гиарату, остальные десятки поворотов сопровождали непрошенных гостей исключительно к многоликой гибели. Таков был пещерный лабиринт – подходящее место для той доли нечистой силы, что выбирала домом густой мрак и давящие стены пещер.

Иллион ворвался в чёрную пасть штольни ближе к ночи, но как бы он не торопился попасть в Гиарат, тело бунтовало настолько, что ноги сводило сжимающими кости судорогами.

- *Илл, пора отдохнуть.*

- Чем дольше я иду, тем дальше они уйдут.

- *Далеко не убегут. Они же вылитые пустынные дикари. Долго ли такие протянут за границей?*

- Возможно смогут. Что если...

- *Илл, отдохни. Щас как сведёт ступню и головой на расшиб полетишь. А если мы сляжем здесь замертво, кто тогда Густава материть-то будет?*

Служитель, изнемогая от боли, вынужденно принял призыв внутреннего голоса, но перед отдыхом хотел закончить «ближайшее» дело. Лунный свет заливал его спину и вырывал из темноты несколько метров пещерной глотки. Увидев тонкую расщелину в скале, Иллион подошёл к ней и сунул руку в скальный карман, где хранились вещи для прохождения лабиринтового пути: заготовки под факелы, десяток бутылей с маслом и внушительное количество кресала с кусками кремния и тряпичного трута.

Взяв два факела и три набора огнива, Иллион вошёл в первый поворот, дабы укрыться от лунного сияния, и в крошечной тьме подготовился ко сну. В эту ночёвку скальный камень, который раньше ощущался враждебным, сегодня казался уставшему до предела путнику сродни мягкой и уютной кровати.

- *Илл, давай откровенно поговорим. Вот объясни мне, ради чего ты не жалеешь себя? Ты надеешься их вернуть? Зачем? От таких лучше избавиться поскорее, а не пытаться силой заставить остаться и нести службу. Или это всё из-за бронзы? Так пусть забирают, всю они точно унести не смогли, Вирка бы не потянул.*

- Ты сам сказал, «действуй по обстоятельствам», и вот тебе мои обстоятельства. Двое служителей обокрали Гиарат. Я в этом не сомневаюсь, как и в том, что всё это затеял Гус. Они сбежали в Туррес с нашей с тариканцами единственной кибиткой и заслужившим отдых Виркой. Кражу коня я им точно не прощу. Мой поход сорвался, а значит я не могу позволить себе отправиться в другую торговую вылазку, потому что теперь надо присматривать за упавшим с неба ребёнком. У нас заканчивается еда, да и семена на исходе. Из-за этих двух предателей мы все оказались в очень сложном положении. Но больше всего меня страшит то, что они бегут в незнакомые края с верой в лучшее. А держится эта вера только на памяти обидчивого хитровыделанного Гуса о прошлом и волшебном мирке, который он всё себе представлял.

- *Ты думаешь, он намеренно кому-нибудь расскажет про Гиарат и бронзу?*

- Густав может. Он слишком злопамятный, чтобы забывать обиды просто так.

- *Он не тупой, Илл. Мне кажется, даже если его схватят в плен и начнут пытать, он и слова про твердыню не обронит. Куда же он пойдёт, если его прищемят и ограбят где-нибудь по дороге? Ему нужен путь для отступления.*

- Это меня и беспокоит.

- *Что именно? Что он вернётся без бронзы? Вирки? Дави?*

- Нет... скорее то, на что будет способна гнилая натура Гуса, если ей не понадобится путь для отступления?

- *Только на самое мерзкое, полагаю.*

- То-то и оно, - раздосадовано заключил Иллион и поудобней устроился для сна.

Служитель принялся раздумывать о свалившихся на его плечи проблемах и в какой-то момент моргнул так надолго, что за это мгновение миновала целая ночь, а там и утро, перешедшее в середину нового дня и принёсшего ко входу в пещерный лабиринт солнечный свет. Путник чуть было не разразился руганью от «внезапной» потери ценного времени, но не смог. Проснулся Иллион в муках: тело гудело, поясницу ломило, ноги покалывало. Но эти ощущения он списал не на последствия сильной усталости, а на неудобство гранёной каменной кровати.

Осторожно размявшись, путник зажёл факел и быстрым шагом двинулся во тьму лабиринта, беспрестанно повторяя:

- Левый поворот, потом правый, на развилке в третью штольню, там зигзаг путей, второй проход. Левый поворот...

Вскоре Иллион почувствовал себя лучше. Свежее мясо, дождевая вода, продолжительный сон и тишина сделали своё дело. Неприятные ощущения изредка давали о себе знать, но путник не обращал на них внимания, потому что наслаждался стоявшей в штольнях прохладой, которая ощущалась здесь чужеземной гостьей, будто бы приглашённой в лабиринт пролетевшей мимо гор загадочной бурей. Раньше в штольнях разгуливал сухой сквозняк, и от него у Иллиона всегда першило в горле. Охлаждённое тело было полно сил и двигалось быстрее изнеможённого, поэтому путник ни разу не остановился отдохнуть, ел и пил на ходу и в итоге одолел странствие через норы хребта к утру следующего дня.

На выходе из лабиринта на Иллиона накинута холодный ветер, морозным кнутом ударивший его пропотевшее от долгой ходьбы тело. Он помнил ещё по детству, что холод к мокрым людям часто приходил с болезнью, поэтому путник снял обе рубахи с головы и тела, мокрой обтёрся и кинул в сумку, а головную сухую надел.

К удаче Иллиона ветер уgomонился. Стянув с туловища рубаху, он замотал ею голову, чтобы не схлопотать солнечный удар и вскоре выбрался к выходу неподалёку от подножия горы тропе, проходившей через ущелье. Войдя в него Иллион вскоре увидел равнинный горный кар, настолько раскидистый, что в нём могла поместиться пятая доля Пепельной Пустоши. В западной части этой рельефной круглой арены, окружённой стенами клыкастых гор, стоял величественный Гиарат, часть внутренних помещений которого, как было известно Иллиону, были вырезаны в недрах издревле стоявшей на месте твердыни горы.

Теперь от того хребта остался лишь острый пик, красовавшийся на верхушке толстой башни. Её вид приводил Иллиона в восторг, на его взгляд конструкторы и строители, которые сохранили природную крышу башни, приняли мудрое решение. Всё дело было в маскировке. В некоторых исторических текстах указывалось: с какого пути ни посмотри, среди хребтов удачный взгляд мог заметить верхушку гиаратовской башни, напоминавшей острый конец горной оконечности. Даже самый зоркий человек не понял бы, что заметил среди раскалённых Ардегантов частичку созданного эваримами архитектурного чуда.

Но время и солнце не пощадили этого места. Твердыня выглядела плачевно:

Гиарат представлял собой связку строений, сотворённых из тёмно-серых тяжеловесных блоков камня, выточенных из ардегантских гор. Главный массивный корпус тянулся вверх от первого пятнадцатиметрового и ещё пяти чётрёхметровых ярусов, переходя в башню. Шесть пристроек расположили по две с каждой стороны главного корпуса, кроме лицевой. Библиотеку пристроили с южной стороны. Восточный корпус, обрушился, как и большая часть библиотеки, пятиярусный жилой комплекс слева потерял крышу и одну из стен верхнего яруса. В общем виде твердыни Иллиона больше всего удивляло разительное отличие истерзанных корпусов с видом башни, будто построенной только вчера.

У служителя была только одна догадка – всему причина стержень горы, который стал надёжным основанием для использовавшихся при строительстве башни дорогих и практичных материалов. Эта башня, по мнению Иллиона, являлась «сердцем» твердыни, поэтому он не сомневался, когда-то давным-давно в её стенах принимались важнейшие для всего Дэл-Илана решения. Иллион никогда не предпочитал думать о твердыне, как об умершей крепости, ему больше нравилось воспринимать её как впавшего в спячку воина, чью броню и тело, но никак не сердце с духом, разрушали время и суровая погода. Сердце твердыни всё ещё билось, пусть и слабо, но для смотрящего это значило одно – рано или поздно спящий воин должен был проснуться и вылечить причинённый ему урон.

- Соскучился?

- Да, а ты?

- Мой дом – твоя голова.

- А я думал мы её в Тарике оставили?

- Если же так, то почему мне по тебе скучать не приходится?

- Это потому что ты подыгрывать не желаешь, зануда. Но ты прав, скучать по мне тебе не приходится, а вот я бы по тебе порой бы с удовольствием потосковал.

- Иди давай, а то пророчество стынет.

Воодушевившись видом дома Иллион с бьющимся сердцем направился вглубь кара и вышел на выложенную из ровных и потрескавшихся каменных плит дорогу, ведущую к, местами обрушившейся, оборонной стене с высокими центральными воротами. Перед ними дорога разрывалась на три направления: средняя, широкая часть вела через ворота в пустынный двор, а там к порогу твердыни; остальные дорожки поуже тянулись в стороны вдоль защитной стены и соединялись в одну в километрах за спиной Гиарата. Эти дорожки описывали всю защитную стену твердыни и охватывали большую часть кара. В объездах этих дорог стена укрывала земли с руинами из камня, дерева и железа. Иллион вместе с Иогастосом не раз обсуждали это призрачное место. Они были уверены: за твердыней некогда дышал жизнью город, но кто в нём жил они не знали, хотя предполагали, что его служители были неотъемлемой частью ремесла гиратовского ордена.

Добравшись до центральных ворот, Иллион по собственной традиции оглядел их снизу вверх. Сооружение было массивным, двустворчатым, выложенным из сотен блоков серых каменных монолитов и толстых листов стали. В левой закрытой створке зияла узором молнии щель, которая образовалась после обрушения нескольких блоков камня, и в неё же была врезана тяжёлая дверь калитки. Через неё служитель попал во двор и добрался до второй оборонной стены пониже, испещрённой арочными проходами.

Внутри его встретило множество пустых помещений, служивших развилками в разные стороны двора. Направившись прямо, Иллион попал в широкий коридор и посмотрел наверх. С потолка на него остро уставились хоть и проржавевшие, но всё ещё смертоносные зубья железной решётки-ловушки, красноречиво намекающей на то, что вторая линия обороны Гиарата использовала те же методы защиты, что и пещерный лабиринт: поворот не туда – и ты труп.

Возникнув из тени каменной стены Иллион оказался на освещаемом солнцем широком пустынном дворе, уложенном мелким щебнем и пепельным песком, и пошёл по плиточной дорожке минуя десятки полуразвалившихся скамеек.

Внутренний двор больше всего походил на прогулочную площадку, где служители-предки беседовали между собой или отдыхали от дел. Из её центра на Иллиона взирал древний мертвец – многовековой дуб Яродора, который под тяжестью лет и суровых пустынных условий, так же как и деревья солёного озера, обратился в камень. То, что это был именно дуб, причём посаженный самим Яродором, одним из известнейших сыновей ордена, Иллион знал только со слов Густава, поскольку он оказался единственным, кто зачитывался книгами по дендрологии. Гус рассказывал, что в одном издании автор указал следующее: Яродор потра-

тил немало сил младших служителей и средств ордена на перевозку и посадку древесного гиганта. Иллион подозревал, что предок видел в этом дубе не просто живое дерево, а символ, вот только что именно он обозначал, оставалось лишь гадать. Но от каменного дуба веяло твёрдым характером и неукротимой силой, поэтому Иллион всегда читил и с гордостью взирал на него. Служителю при виде могучего «символа» часто приходила в голову мысль, что было бы неплохо посадить и вырастить собственный дуб за пределами пустыни. В почву Пепельной Пустоши Иллион конечно никогда не верил, даже сейчас, когда из неё внезапно показались ростки незнакомых растений, поэтому он сомневался, что жёлуди - которых он так нигде и не раздобыл - проживут в мертвенной земле хотя бы пару недель. Тем не менее Иллиона воодушевляла фантазия о возможности дать отпор пустыне и озеленить её омертвевшую плоть.

Пройдя мимо дуба, Иллион провёл ладонью по его бугристо-каменной коре и остановился рядом с приоткрытыми высокими дверями главного входа в твердыню. Их много лет не закрывали, чтобы внутрь проникал хоть какой-то сквозняк. Жара в стенах Гиарата порой стояла настолько невыносимая, что служители часто ночевали во дворе на лавках или на циновках под дубом.

Вместе со сквозняком Иллион протиснулся в щель между дверьми и оказался в тёмном коридоре. По правую и левую сторону от него скрывались во мраке два прохода, за которыми вверх тянулись лестницы. Вели они к сторожевым комнатам с четырьмя бойницами в каждой. Как рассказывал Иогастос, в каждой такой комнате могло с удобством расположиться до восьми арбалетчиков. Как многократно Иллион говорил Иогастосу, раз Гиарат был полон ловушек и оборонительных сооружений, то их предкам скорее всего приходилось помногу обороняться, но почивший смотритель твердыни всегда подмечал и другую возможную сторону догадки:

«А вдруг они больше заботились не о том, чтобы защитить внутренности? Что если цель стояла ни в коем случае не выпустить кого-то и или что-то из Гиарата в мир? Да-да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Тогда был бы смысл сделать такие комнаты и с обратной стороны. Рискованная конечно затея, но мне кажется, слишком уж много от твердыни тянется линий защиты. Сначала ловушки, потом стена, у которой тебя можно расстрелять, а дальше лабиринт со множеством опасных поворотов. Такое ощущение, будто эваримы в первую очередь готовились кого-то сдержать, нежели не впустить внутрь.»

Мысль казалась Иллиону интересной, но неправдоподобной. Для себя он сделал вывод, что старый служитель слишком полюбил развеивать скуку сочинительством теорий об истории Гиарата.

Иллион миновал вырубленную из красного дерева арку и вышел к залитому светом, из-за сплочённой работы оконных проёмов и зеркал, грандиозному круглому залу. В некоторых книгах и заметках помещение называли «церемониальным» либо «тронным», но как это место ни нареки, для сегодняшнего смотрителя куполообразный зал однозначно был восхитительнейшей частью твердыни.

На короткий миг это место показалось служителю «другим», словно после бури зал заполнили проснувшиеся и, непонятно из-за чего озлобленные, призраки служителей-предков, принявшихся воинствующе взирать на пришедшего потомка. Иллиону стало не по себе, «призрачные взгляды» навели хваткую тревогу. Благо она быстро улетучилась и сменилась привычным для служителя чувством благоговейного восторга перед бесподобностью архитектуры первого яруса главного корпуса.

Сводчатый потолок покрытый тёмно-красным деревом с вырезанными остроконечными узорами казался настоящим произведением искусства, хотя его вид всё же портило чёрное пятно грязи, бравшее начало от центра свода и расплывшееся в стороны почти на метр. Иллион, при виде архитектурного самородка твердыни, часто задавался вопросами, каким образом служители-предки поддерживали чистоту на такой высоте? Как вообще можно было

дотянуться до его центра? Одно только основание купола начиналось на высоте пятнадцати метров, а в Гиарате не было таких высоких лестниц, чтобы можно было почистить хотя бы края купола, прикасавшиеся к верхушке стен на высоте примерно двенадцати метров. Сегодняшний служитель конечно надеялся наткнуться на ответ в какой-нибудь книге, но так его и не нашёл, да и в глубине души он догадывался, что эта загадка, вероятно, никогда не будет им разгадана.

Оторвав взгляд от потолка, Иллион опустил глаза и посмотрел в середину зала. На хорошо вычищенном каменном полу стоял внушительных размеров круглый стол, за которым на искусно выточенных из красного дерева креслах могли бы с удобством расположиться пятьдесят человек. На сердцеvine столешницы красовалась собранная из железа, дерева и кусочков разных горных минералов детально воссозданная – по крайней мере, так думал Иллион – инсталляция Дэл Илана: четыре материка с грядками северных и южных островов. Нынешний служитель провёл немало времени за осмотром настольной карты и каждый раз дивился насколько внимательно ремесленник отнёсся к воссозданию подробных изображений рельефов пустыни и Ардегантов. Ему казалось, что пролети он над материками на большой птице, или уже мантикоре, то именно такими бы и предстали простирающиеся под ногами земли. Хотя стол был изготовлен ещё эваримами, поэтому география мира уже давно могла измениться до неузнаваемости.

По левую и правую стороны от центрального тяжеловесного гиганта были расположены ряды из длинных прямоугольных столов с десятью стульями на каждый. Если считать по стульям, то церемониальный зал мог принять до четырёхсот человек, да ещё оставалось много свободного места, позволявшего вместить вдвое больше стоящих людей. Иллион несколько раз воображал, будто оказывался в тронном зале во времена расцвета Гиарата. Вот он на звучном празднестве, где Гиарат наполняли сотни служителей и гостей, а вот он уже на совете, где правители и феодалы заседали за прямоугольными столами, взывая к помощи или совету верховных служителей.

К подобным фантазиям Иллиона склонял не только вид церемониального зала, но и богатые на истории и в то же время скрывавшие множество тайн стены. Строительного камня, из которого их возвели, нигде не было видно, потому что его прикрывали слои гладкого красного дерева. Местами в стены врезали гранитные плиты с историческими барельефами. Отчасти из них сегодняшние служители черпали знания о прошлом твердыни и быте гиаратовского общества. Место между гранитными плитами заполняли с десятков висевших пустых картинных рам. Иллион знал, что сами холсты исчезли задолго до его появления в твердыне, потому что Иогастос и сам никогда не видел в этих рамках ни единого полотна. Под каждой рамкой в стене выбили стеллажи, которые сегодня были забиты книгами под завязку. Хранили в них только развлекательную литературу, если только кто-то случайно или намеренно не убирал в них учебник или справочное пособие, чего сам Иллион никогда себе не позволял.

Другой, подогревавшей воображение Иллиона, особенностью зала стали разделявшие его на равные части линии светлого дерева, протянувшиеся от основания стен к центру купола, где бесследно пропадали в чёрном пятне. Все отделённые части зала, помимо разнообразных настенных барельефов, отличались друг от друга прекраснейшими и невероятно тяжёлыми гранитно-железными дверьми. На каждой из них на уровне глаз выбили символы, подсказывающие на эваримском языке, в какое крыло твердыни они вели.

В правой части церемониального зала открытой была только одна из двух не заколоченных железными прутьями дверей – символ «Грау-Нэхста», подсказывал на эваримском, что она вела в «Обитель опыта» и в первый корпус библиотеки. Иллион понятия не имел, сколько изначально она насчитывала корпусов, потому что служителям теперь свободна была доступна только первая секция. Остальные же обратились в каменный курган, обломки которого не смогли бы сдвинуть с места даже двадцать человек. Но если судить по масштабам обрушений, Иллион бы сказал, что корпусов было от шести до восьми, поэтому вид потерян-

ных под обломками и огнём пожара в третьем корпусе знаний хладнокровно резал его преданное ордену сердце. В первом корпусе хоть и сохранилось большое количество книг, но Иллиону от этого было не легче. История, география, химия, алхимия, ботаника, законы, кодексы, бестиарии, списки научных открытий, хирургия, океанология, учебники, справочники, словари, фолианты, атласы - чего только безвозвратно не потерял Гиарат за века своей засушливой спячки.

На ближайшей к библиотеке закрытой двери зала эваримский символ сообщал: «Обитель знаний». Иллион понятия не имел, чему в нём могли обучать, но склонялся к догадке, что там юные служители получали от мудрейших необходимые для собственного выживания и защиты Дэл-Илана знания. К сожалению Иллиона, знания эти были намертво замурованы. Сколько бы он ни пытался вместе с собратьями сдвинуть хотя бы одну из закрытых дверей - всё без толку. Они были слишком тяжёлые, хотя без влияния страха перед очередным обрушением тоже не обходилось. Одно только нынешний смотритель знал наверняка, согласно сюжету одного из настенных барельефов, знания о боевом ремесле ученикам передавались не в Гиарате, потому что где-то в горах для этих целей построили тренировочные бастион и полигон. Иллион не раз пытался их отыскать, сотни часов он провёл за исследованиями инсталляции материка, барельефов и штудировании десятков книг с картами, но найти древние сооружения или их руины ему так и не удалось.

Следующей была дверь без гравировки, а после неё обители «медицины» и «науки» и уже с левой стороны открытый проход в жилые помещения. Только одна дверь, которая разительно отличалась от других размерами и отделкой, воспринималась Иллионом воплощением таинственности. Она высилась в центре дальней стены церемониального зала. Служитель думал, что за ней было руководящее крыло твердыни, потому что именно перед этой дверью стоял трон Велимира, последнего известного верховного правителя ордена Гиарата. Один из барельефов подробно изображал масштабную битву людей с ордой околугуманоидных тварей, в которой именно Велимир выступил полководцем. Широкий в плечах, длинноротый могучий воин с суровым взглядом и прямой королевской осанкой. Даже после смерти великий воин одним своим видом придавал Иллиону твёрдости духа и будто морально поддерживал его из глубин мира мёртвых. По крайней мере так служитель воспринимал изображение верховного правителя, чего нельзя было сказать о Густаве и Дави, смевших ради развлечения занимать трон Велимира и пародировать его. Этого Иллион тоже никогда себе не позволял.

Одного лишь исторического украшения не доставало главному залу – множества покрытых патиной бронзовых статуй служителей-предков. Когда Иллион только прибыл в Гиарат, нетронутых статуй было тридцать восемь, сейчас их осталось двадцать четыре. Нескончаемые трудные времена вынуждали служителей распродавать атрибуты своей бесценной истории, потому что иного способа добычи жизненно необходимых вещей из запустынь они не видели.

Бронза на землях Антала считалась одним из редких сплавов, потому что, со слов купцов из Торговой Бухты, «на материке до сих пор не было найдено ни одной залежи меди», которыми в изобилии были богаты северный и южный материка. Поставщики оттуда просили за неё неподъёмно много, порой один слиток стоил в разы дороже горсти исключительных в своей красоте драгоценных камней. Торговцы, кузнецы, бронники, портные, архитекторы, да и многие другие ремесленники были готовы выложить немалую сумму всего лишь за килограмм. Неудивительно почему служители-предки увидели в этой нужде возможность заработать на собственное выживание.

Распил истории Гиарата начался задолго до рождения Иогастоса, его старшие наставники, которых Иллион не застал, рассказывали: когда-то твердыню полнили сотни изваяний, и мол, было время, когда на каждой кровати жилого корпуса отдыхал один из бронзовых предков-служителей. В детстве самого Иогастоса нетронутых статуй насчитывалось около восьмидесяти штук, и большая их часть занимала стулья тронного зала.

Теперь же большая часть богатства служителей ордена была распилена на куски и рассортирована на складе жилого корпуса по частям: кисти, руки, стопы, ноги, головы, головы с шеей, туловища, уши, пальцы, элементы бронзовой одежды и немного другое. Всё это сокровище ждало часа, когда его продадут в будущих торговых вылазках. Двадцать четыре оставшиеся статуи Иллион не хотел трогать и расставил их рядом с тронем Велимира, чтобы они служили памятниками величественного прошлого Гиарата. Сегодняшнего зрителя огорчало, что среди разнообразия образов он не нашёл того, кто хотя бы отдалённо походил на последнего верховного правителя твердыни, поэтому без какого-либо разбора выбрал несколько случайных изваяний.

Иллион сохранил двадцать четыре статуи исходя ещё из запасливых соображений, но главная причина крылась в отвращении к распилу бронзы. Во время процесса служителю казалось, что он своими же руками расчленяет не просто историю Гиарата, а живых людей, которые из-за бронзового плена не могли сопротивляться жестокой судьбе. Последний раз он пилил статуи два года назад и мысли об убийстве братьев-предшественников заставили бросить это занятие и расставить в зале памятники прошлому. Иллион конечно понимал, почему предкам пришлось начать заниматься таким отвратительным занятием, но осознание этого всё равно не позволило ему сбросить с себя оковы, как говорил Вермил, «надуманной вины» и мыслей, что он пилил и продавал собственную душу. Не раз бывало и такое, что выходец из Торговой Бухты просил прощения у бронзовых останков, только Вермил остро осуждал такое поведение управленца их общей головы, и настаивал, чтобы тот прекратил разговаривать с кусками сплава, но Иллион в ответ всегда однообразно отшучивался:

- Ну с твоей же головой я разговариваю.
- *Голова это не моя, и ты это знаешь.*
- Знаю-знаю... зануда.

Только сейчас Иллиону было совсем не до разговоров и уж тем более до нравоучений Вермила, потому что промелькнувшая в разуме мысль об украденной бронзе пробудила злобу, которая поторопила его в сторону хранилища.

Служитель точно помнил количество бронзовых остатков, потому что он один в последнее десятилетие занимался распилом и сортировкой сплава, а уж его складским навыкам можно было позавидовать. Замки на сундуках остались нетронутыми, но с широкого короба сбили застёжку с проушиной. Из него пропали две пары ног и два туловища с целыми головами и руками – это были части двух статуй, ставших последними жертвами в работе Иллиона.

- Вот же сука! Я тебя собственными руками придушу, - прорычал Иллион сквозь сжатые зубы.

Иллион готов был поклясться на Ксернате, что идея кражи принадлежала исключительно Густаву, но никак не мог уразуметь, почему благоразумный Дави позволил Гусу забрать бронзу. Хотя нынешний зритель твердыни принимал и другую догадку - хитрый жук ловко обманул сразу всех. Но это для Иллиона было уже неважно, потому что принял твёрдое решение касательно судьбы улизнувших воров. Если бы предатели просто сбежали, то они бы отделались изгнанием, но кражу зритель не мог оставить безнаказанной.

По крайней мере так наставлял себя Иллион, но на самом деле боялся признать то, чего опасался на самом деле. Суть опасений состояла далеко не в самой краже, а в том, какую угрозу могли навлечь двое дезертиров на Гиарат и Тарик. Обмолвись они хоть словом, что в горах Пепельной Пустоши скрывалась умирающая твердыня с набитой бронзой кладовой и всего одним охранником, то сразу бы нашлись десятки, если не сотни желающих поживиться сокровищем ордена. Иллион слабо верил, что искателям сокровищ удастся преодолеть пещерный лабиринт, но не исключал, что привести их через него мог сам Гус, или того хуже, взять вместе с сообщниками в заложники тариканцев и склонить служителя отдать весь имевшийся на складе запас сплава. Если бы над тариканцами действительно нависла такая угроза, то Иллион не

задумываясь отдал бы захватчикам сокровище Гиарата, чтобы только спасти жителей Тарика, которых он считал семьёй - сокровищем куда ценнейшим, чем вся бронза Дэл-Илана.

Иллион решил действовать на опережение.

Служитель прикинул: если вору поехали в Туррес, то им нужно было распродать бронзу именно в деревне, иначе риски ограбления разбойниками или конфискации подозрительного груза стражниками повышались бы с каждым преодоленным километром. Служитель больше склонялся к тому, что их пришибут, потому что они ничем не отличались от пустынных дикарей. Однако Гус всё-таки был башковитым, поэтому вполне мог отыскать старых знакомых матери или подкупить кого надо и обойтись малыми жертвами. Но это было лишь одно из предположений Иллиона, потому что он знал со слов знакомых купцов Торговой Бухты: Туррес - не лучшее место для сбыта неведомо откуда взявшегося сырья, там с торговлей дела обстояли строго. Вот только никто не мешал Густаву распилить бронзу на крохотные кусочки и осторожно сбыть их маленькими партиями ремесленникам, купцам или ростовщикам. В любом случае теоретические шансы на успешный побег и торговлю у Гастава и Дави были, и осознание этого злило зрителя, подгоняя отправиться в путь как можно скорее. Иллион не исключал, что вполне может нагнать воров прямо в Турресе, пока они будут вынужденно и медлительно распродавать награбленное по крупницам.

Однако же Иллион не мог прийти в Туррес со стороны пустыни, будучи облачённым в привычное тряпье, это привлекло бы к нему опасное внимание. В Торговой Бухте многие знали его ещё по детству, да и покровительствовал ему Иогастос, который и сам при жизни был на хорошем счету у местных торговцев. Только вот Туррес был для служителя диким краем. Иллион странствовал по этой деревне через фантазию и рассказы Гуса, который бывал там взаправду, как и его матушка, несомненно оставившая сыну в наследство несколько торговых знакомых или знаний о том, как этими знакомыми можно обзавестись. Оттого положение у Иллиона сложилось не из лучших: он намеревался добраться до места, где Гус мог оказаться своим среди чужих, а он – чужеродным. Всё-таки служители внешне ничем не отличались ни от тариканцев, ни от пустынных дикарей, а таких издавна боялись и презирали, как-никак они были потомками изгнанных преступников. Даже если тариканец попробовал бы сбежать из Пепельной Пустоши и притвориться случайно забредшим и выбравшимся из пустыни бедолагой, то его бы быстро раскусили. Среди тариканцев никто не блистал умом, а их поведение и манеры любому, пусть даже последнему деревенскому пьянице, показались бы дикарскими. Чего уж говорить о том, что каждый из пустынных людей был худ как сук, болезненный вид вкуче со слабыми ножками и ручонками сразу же выдавали мало на что годного работника. Да и одежда из мешковины и катаружьей шерсти тоже не внушила бы доверия даже последнему пьянчуге с окраин Турреса или Торговой Бухты. Но у Иллиона нашлись качества, которые могли помочь ему добраться и задержаться в Турресе: несмотря на худобу, лицо у него было благородное, в какой-то мере он был образован, начитан и обладал поведением свойственным жителям Антала, так что, он вполне мог сойти за достойного и затерявшегося в пустыне Пепельной Пустоши «своего» человека. Только одного не доставало наспех сотканной легенде – одежды поприличней.

- Сундук!

Служитель вылетел со склада и помчался по лестнице на второй ярус, в комнату, которую некогда делил с Густавом и Дави. Жилое крыло было вместительным, в нём стояли двадцать пять коек на два широких пролёта и столько же соседствовавших с ними прикроватных тумб, и сундуков. Пользоваться помещениями верхних ярусов не представлялось возможным, каменная лестница, которая вела на третий, четвёртый и пятый ярусы давно обрушилась. Служители сумели лишь частично разобрать завал, но восстановить лестницу никто не рискнул из-за боязни повреждения стен или полного обрушения здания.

Оказавшись в комнате, Иллион кинул обеспокоенный взгляд на свой сундук, тот выглядел нетронутым, чего нельзя было сказать о двух других. Воры забрали с собой все пожитки, оставив только развёрнутый на кровати Густава свёрток серой мешковины.

- Им явно не терпелось уйти отсюда. Видимо только и ждали пока ты уйдёшь в Бухту. Илл, посмотри на сундук. Ты его точно не так ставил.

Иллион присмотрелся и на мгновение замерло сердце, ларь впрямь немного сдвинули с места. Он метнулся к сундуку и просунул за него руку.

«Если ты посмел... я тебе ноги вырву, скотина недобитая!»

Просунув руку за тяжёлый сундук, служитель нащупал собственные опасения - стенное отделение оказалось пустым. Иллион выдолбил его пять лет назад, через несколько дней после смерти Иогастоса, и хранил там одноручный арбалет с тремя болтами. Это оружие не относилось к реликвиям прошлого Гиарата, его как-то выиграл в карты предшественник Иогастоса и передал в наследство следующему зрителю твердыни. Иогастос продолжил молодую традицию, поэтому, когда впервые почувствовал, что здоровье уже подводило, передал Иллиону вместе с титулом оружие и приличный костюм, который он заказал специально для преемника у портного в Торговой Бухте. Для сегодняшнего зрителя этот арбалет стал личной реликвией, символизирующей возложенную на него ответственность, оттого воровство килограммов бронзы не шло ни в какое сравнение с кражей столь ценного для Иллиона предмета.

- Илл, не гневайся. Это нам ничем не поможет.

- Ещё как поможет.

- Чем же?

Иллион оставил вопрос без ответа, потому что приготовился спустить с цепи закипевшее желание разнести в щепки кровать Густава, выгнать из комнаты весь оставшийся от дезертира запах, уничтожить любое присутствие его духа в стенах твердыни. Но служитель всё же сдержался, поскольку решил заключить гнев внутри себя и позже выместить на безнравственном предателе. Злость в душе Иллиона стремительно остыла, и служитель спокойно начал собираться в Туррес.

Открыв сундук, Иллион бегло осмотрел бедное содержимое: несколько нарезанных кусков мешковины для заплаток немного прикрывали сложенный костюм зрителя твердыни.

- Ты погляди, а его не взял. Видимо постыдился такое воровать.

- Нет. Это издёвка, я уверен. Гус так со мной попрощался. «Подавись этим тряпьем, «зритель» Гиарата».

- Так может, мы и подавимся. Давай забудем про...

- Нет!

Резко отринув предложение Вермила, Иллион достал из сундука подаренный Иогастосом комплект зрителя и аккуратно переложил на свою кровать. Одежду покрывал тонкий слой пыли, но ткань осталась целой, цвета не потускнели, выглядел наряд так, будто его только что вынесли из долгого пребывания на складе портного. Рядом с ним служитель поставил чёрные кожаные сапоги, блестящие и вполне удобные, это Иллион понял на первой же примерке. Сама стопка одежды начиналась с трёх белых элементов: двух портянок и белой как соль рубашки с длинным рукавом, полным набором пуговиц и острым воротником. Под ними были сложены чёрные жилет и брюки из шерсти. Иллион боялся даже помыслить сколько денег ушло на пошив только этих двух элементов комплекта. Под брюками торчал в стороны кожаный ремень на пояс с отделениями для склянок. О таком ремне мечтал Густав, и то что он испытывал, заметив его на Иллионе, трудно описать приличными словами. В нижней части стопки лежала плотная накидка с капюшоном, которая могла послужить разным назначениям, например, подкладкой под голову на случай прохладной ночёвки вблизи от Торговой Бухты. Завершали комплект: небольшая кожаная наплечная сумка, и лежащий в ней кожаный кисет на шею с продетой через верхушку стальной цепочкой.

У Иогастоса был точно такой же костюм, но бывший зритель редко надевал полный комплект. Лишь кисет он никогда не снимал с шеи, потому что хранил в нём дорогой для себя предмет – куриную косточку.

«Я вкуснее курятины в жизни ничего не ел. Вот тут у меня лежит косточка той самой курицы. Эх... я бы все идалы сейчас отдал за одну куриную ножку.»

Так много раз говаривал Иогастос, вспоминая молодые деньки, но лишь единожды захмелев от привезённого из Бухты вина, примерно за год до смерти, по воле пьяной головы он откровенно рассказал, какая печальная история крылась за обычной костью.

«Я её очень любил... Ты понимаешь? Я чуть не сдох тогда, но она откармливала меня бульоном несколько дней. Понимаешь, Илл? Куриной ноги не пожалела, слышишь? Целую куриную ногу отдала только мне. Знаешь о чём я жалею больше всего в жизни? Что так не набрался смелости признаться Аннушке... ну... ты понимаешь. В этих... она была хорошая, я... Я трус, Илл. Не смог признаться и защитить, когда был ей так нужен. Эта косточка напоминает мне о том, кто я на самом деле и какую цену за это заплатил.»

Иллион тогда и сам изрядно выпил, поэтому не шибко доверял ни собственной памяти, ни опьяневшему в тот же день Вермилу, но туманное воспоминание об Иогастосе побудило выплыть из закровов разума другие слова наставника:

«Когда ты найдёшь что-то по-настоящему дорогое, за что будешь готов отгрызть руки любому посмевавшему посягнуть на это, или о чём будешь думать каждый вечер перед сном, храни это в кисете, под одеждой, чтобы поближе к сердцу. Надеюсь твоё дорогое будет небольшое и не валуном, у-кхух (в последние дни смех Иогастоса перерастал в дикий болезненный кашель). Поверь старику, сильно плохие дни когда-нибудь наступят, и тогда вещь, которую ты сохранишь у сердца даст тебе силы продолжать бороться, даже когда покажется, что шансов уже не осталось. Прошу тебя, Илл, очень прошу, похорони кисет вместе со мной. Думаю, там, куда я отправлюсь он мне ещё пригодится.»

Эти слова бывший зритель с трудом выдавил из себя за несколько дней до смерти. Сегодняшний старший член ордена в то время догадывался, что под «дорогим» предшественник подразумевал не реликвии или подаренные арбалеты, а нечто родное внутреннему миру. Только теперь, глядя на комплект подаренной одежды, Иллион понял, что именно имел в виду Иогастос.

Достав из сумки чёрный кисет, Иллион положил его перед собой на кровать и осторожно погрузил руку в старый наплечный мешок. Вытащил он оттуда кусок тряпки, скрывавший сокровище – жало мантикоры. Теперь служитель ясно различал виды ценностей: те, что достались по воле службы, и те, которые стали дороги лично ему. Жало - его куриная косточка. Та, о которой Иллион грезил с первого же дня знакомства с пророчеством - символ того, что он стал первым за многие века служителем ордена Гиарата, встретившим настоящее чудовище и добывшим физическое доказательство существования Монструма. Отныне Иллион не сомневался - когда настанет время, он без сожалений передаст вещи наследнику, а жало попросит захоронить вместе со своим телом, чтобы отправиться с ним в другое путешествие, где оно могло «пригодиться».

Обёртывавшая жало тряпка местами пропиталась зелёной слизью, Иллион медленно стянул её и цинично швырнул на кровать Гуса. Мантикоровское остриё оказалось большим для кисета, в попытке исправить это владелец оторвал от штанины лоскут, обмотал ядовитый шип и отбил его о кровать. Крошка хитина сыпалась неохотно, но служитель справился – жало, пусть и с трудом, но вошло в плотную кожу кисета. Стянув тонкий шнурок на верхушке, Иллион завязал его в узел и сильно надавил на кисет в нижней части, где расположился кончик опасного острия. Кожа выстояла, можно было не беспокоиться о случайном ранении и отравлении мантикоровским ядом.

Перекинув цепочку через голову, служитель был готов перейти к блаженной части подготовки. Иллион двинулся к дальней двери жилой комнаты и вошёл в умывальню. Там стояла бочка, наполовину наполненная водой, а рядом с ней на скамье лежали два черпака. Служитель с радостью скинул с себя остро смердящую многодневным потом одежду и начал тщательно мыться. Вода была тёплая и пахучая, но даже с такой житель пустыни начинал чувствовать освежившим. Вода с шумом стекала в сливную трубу, которая выходила наружу и пряталась под землю, а сам Иллион, уже под звук капающей в сток воды, побрился старым лезвием и вытерся облезлой тряпкой. Старые вещи он кинул рядом с тазом для стирки, решив больше не носить эти старые обноски.

Выйдя голым в жилую комнату, Иллион подумал, что ему не мешало бы подстричься, но своим рукам он в таком деле не доверял, поэтому условился пока оставить на голове всё как есть. Смотритель твердыни облачился в новый комплект и тотчас почувствовал насколько качественной оказалась тонкая шерстяная ткань: в ней было не жарко и наряд ощущался почти таким же лёгким, как привычные пустынные одежды. Только в сапогах он чувствовал себя непривычно, ибо большую часть жизни проходил в сандалиях. Накидку он свернул и положил в кожаную сумку, затем перекинул её ремень через плечо и так же поступил с верёвкой кожаного мешка.

Перед тем как уйти, Иллион ещё раз взглянул на тронутый мантикоровским кровоядом кусок штанины на кровати Густава. Вид показался ему символичным, потому что в какой-то мере выражал суть Густава-Гуса – двуличного человека, местами пропитанного губительным ядом.

Спустившись на первый ярус, служитель завернул на склад бронзы. Судьбу кусков, что остались в Тарике Иллион определил ещё перед походом в Бухту, поэтому посчитал нужным взять с собой ещё бронзы. Иллион набрал мелких осколков на тройку килограмм. Много, как он считал, но кто знал, что с ним могло приключиться и кому вдруг придётся заплатить?

Всё, что оставалось смотрителю, перед путешествием, покинуть твердыню, но Иллион заволновался, отчего сделал глубокий вдох.

- *Ты точно уверен, что хочешь этого?*

- Да.

- *Не похоже.*

Чтобы забрать у Вермила повод для уговоров, носитель протяжно выдохнул, закрыл склад и уверенно направился к выходу из Гиарата.

Когда Иллион проходил через церемониальный зал, в попытке побыстрее добраться до центральных дверей, он вновь почувствовал устремлённые на себя злые взгляды, поэтому остановился и посмотрел в сторону статуй.

- *Передумал?*

Носитель не ответил, так как старался выстоять под напором гнетущего ощущения. Если бы не собственные глаза, то Иллион поклялся: перед ним предстала толпа незримых призраков. Служитель сделал шаг в сторону и краем зрения заметил мелькнувшее в одном из осветительных зеркал собственное отражение, которое на долю секунды показалось ему очень похожим на Иогастоса. Но это Иллион списал на игру фантазии, которая ловко воспользовалась одинаковостью комплектов одежды смотрителя твердыни и подсунила обеспокоенному служителю простейшую иллюзию. Только осознание этого не отогнало щемящее чувство, возможный источник которого служитель заметил только лишь благодаря проявлению сверхъестественного.

- *Да что ты высматриваешь?*

- Одной статуи не хватает.

Иллион обошёл стол с инсталляцией материков и оказался прав. На каменном полу лежала статуя служителя предка, повалившаяся лицом вниз. От удара изваяние потеряло руку по локоть, она почти скрылась под столом. Смотритель удивился этому, ведь не так-то просто

было опрокинуть бронзового тяжеловеса. Но кто был в этом повинен? Невероятно сильный порыв ветра бури? Или может это был ещё один прощальный жест Густава?

Подняв бронзовую руку Иллион заострил на ней взгляд. По краю слома патина преобрела красный оттенок, похожий на проступившую на зелёном фоне кровь.

- *Это красная патина?*

- Скорее всего, но откуда ей взяться? Для неё нужна длительная влажность. Если только, это не последствия бури.

- *Буря необычная, да и последствия, сам знаешь. Но почему именно здесь, почему все статуи не прокрылись ей?*

- Погоди.

Иллион положил руку на стол и повернулся к упавшей статуе. С великим трудом он поднял её в стоячее положение и встретился с её пугающим взглядом. Паутина красно-патиновых трещин разошлась по лицу служителя предка и превратила его в жутко плачущее лицо. Вид изваяния склонил Иллиона к заключению, что мысли о призраках не были столь уж неправдоподобными. Если буря принесла в мир чудовище, то почему она не могла впустить ещё и привидений? Возможно предки действительно взирали сейчас на зрителя и гневно осуждали его за то, до чего он довёл орден Гиарата? Они откровенно гневались и рыдали кровавыми слезами, ибо не могли наблюдать смерть дела всей жизни.

- *Что думаешь?*

- Не знаю. Может удар как-то повлиял. Смотри, красная патина проступила только на сломах и трещинах, больше нигде.

- *А почему на складе мы такое не заметили?*

- Может туда влажность бури не проникла. Ты спрашиваешь о том, в чём я ничего не понимаю.

- *Ты же у нас любитель читать.*

- Ага. Давеча как раз читал про то, как го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.